

Олеся Анатольевна Плех
Институт российской истории РАН
Москва, Россия
plekh@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3750-6270>

Olesya A. Plekh
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
plekh@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3750-6270>

Состав чиновничества Архангельской губернии в первой половине XIX века*

Composition of the Archangelsk Governorate officialdom in the first half of the 19th century

Аннотация. Статья посвящена проблемам кадрового обеспечения местных учреждений Архангельской губернии в первой половине XIX в. На материалах систематического учета чиновничества (групповые формулярные списки из фондов Российского государственного исторического архива) проанализирован состав служащих по трем основным параметрам: сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Представленная характеристика позволила увидеть особенности развития местного бюрократического аппарата и результаты государственной кадровой политики, а полученные статистические данные отразили особенности правительственного курса в области формирования социальной базы архангельской бюрократии.

Установлено, что в первой половине XIX в. состав служащих Архангельской губернии не мог в полной мере соответствовать ожиданиям правительства, поскольку внутренние ресурсы этой недворянской территории были весьма ограничены, а условия службы не привлекали чиновников из других губерний. Предпринимаемые меры (назначение на

* Для цитирования: Плех О.А. Состав чиновничества Архангельской губернии в первой половине XIX века // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 16–63. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-1-1>

For citation: Plekh, O. “Composition of the Archangelsk Governorate officialdom in the first half of the 19th century.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 1 (2021): 16–63, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-1-1>

должности служащих из других регионов, заполнение полицейских вакансий отставными военными, введение служебных привилегий) давали определенный эффект, но оказались недостаточны, чтобы решить все кадровые проблемы, в первую очередь преодолеть нехватку канцелярских служащих, которая ощущалась довольно остро на протяжении всего периода.

Анализ сословного происхождения чиновничества выявил высокий удельный вес представителей дворянства, потомственных гражданских служащих и лиц из податных состояний. Показатели по возрастному составу отражают общероссийские тенденции – Архангельская губерния пережила две «смены поколения» чиновничества: на протяжении первой четверти XIX в. наблюдалось омоложение кадров, а в последующие десятилетия – старение, которое остановилось к 1850 г. Данные относительно образования свидетельствуют об общем низком уровне профессиональной подготовки. Несмотря на то, что предпринимаемые правительством меры, связывавшие уровень образования с чинопроизводством, повышали заинтересованность будущих чиновников в получении аттестатов высших и средних учебных заведений, большинство служащих и к середине века являлись лицами с начальным или домашним образованием.

Ключевые слова: кадровый состав, чиновничество, местное управление, гражданская служба, формулярные списки, сословное происхождение, возрастной состав, уровень образования, Архангельская губерния.

Abstract. The article deals with the problems of staffing local institutions of Arkhangelsk Governorate in the first half of the 19th century. Based on the materials of systematic recording of officials (group records of service from the collections of the Russian State Historical Archive), the staff composition was analyzed according to three main parameters: social background, age, and level of education. The identified characteristics made it possible to see specific features in the development of the local bureaucracy and the results of the governmental personnel policy. The obtained statistics reflected the peculiarities of governmental policy in the field of forming the social basis for Arkhangelsk bureaucracy.

It was found out that in the first half of the 19th century the composition of Arkhangelsk Governorate officials could not meet the expectations of the government in full since the internal resources of this non-nobility-related territory were quite restricted, and the conditions of service did not attract officials from other governorates. The measures taken (appointing officials from other regions, filling police vacancies with retired military personnel, and introducing service privileges) had a certain effect but were not enough to solve all personnel problems and, primarily, to overcome the shortage of clerical employees, which was most pronounced during the entire period.

The analysis of social background of the officials revealed a high proportion of representatives of the nobility, hereditary civil servants, and persons from taxable classes. The indicators of age structure reflect general Russian tendencies: there were two Arkhangelsk Governorate went through two alternations of generations among officials: during the first quarter of the 19th century, personnel was becoming younger, and in the following decades it was aging, which had stopped by 1850. The available information on education indicates a general low level of professional training. Despite the fact that the measures taken by the government, which linked the level of education with promotion in rank, increased the interest of future officials in obtaining certificates from higher and secondary educational institutions, in the middle of the century most officials were still persons with primary or home education.

Key words: personnel, officialdom, local government, civil service, records of service, social background, age, level of education, Arkhangelsk Governorate

Введение

Полноценная характеристика местного бюрократического аппарата Российской империи не представляется возможной без анализа состава служащих, и в современной исторической науке этому вопросу уделяется значительное внимание¹. Важнейшим источником для изучения кадрового состава является хорошо сохранившаяся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) коллекция групповых формулярных списков (ф. 1349). Обращаясь к этим материалам, сталкиваешься с проблемой их массовости. Не подвергавшиеся статистической обработке многочисленные послужные списки чиновников не позволяют в рамках одного, даже крупного исследования собрать общие по всем губерниям данные, охватывающие большой хронологический отрезок. В работах историков, впервые взявшихся за

¹ Историография чиновничества Российской империи, и отечественная, и зарубежная, довольно обширна (см., например: *Бикташева А.Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. – Москва: Новый хронограф, 2012; *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). – Москва: Мысль, 1981; *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002; *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. – Москва: РОССПЭН, 2007; *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. – Москва: Новый хронограф, 2019; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. – Москва: Наука, 1974; *Шенелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2001; *Velychenko S.* The Size of the imperial Russian bureaucracy and army in comparative perspective // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – 2001. – Bd. 49. – Н. 3. – S. 346–362; *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982; *Lincoln W.B.* The Genesis of an 'Enlightened' Bureaucracy in Russia, 1825–1856 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – 1972. – Bd. 20. – Н. 3. – S. 321–330; *Raeff M.* The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // *The American Historical Review.* – 1979. – Vol. 84. – No 2. – P. 399–411; *Pinter W.M.* Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th Century. – Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1980; *Torke H.-J.* Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* – 1967. – Bd. 13. – S. 7–345; *Yaney G.L.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. – Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1973). В тексте настоящей статьи проанализированы лишь те работы, в которых приводятся конкретные данные по составу служащих первой половины XIX в.

массовую обработку этих документов, сведения о составе служащих представлены на основе выборки. Так, У. Пинтнер охарактеризовал провинциальное чиновничество начала XIX в. по материалам восьми губерний, середины XIX в. – двенадцати². Ряд авторов обратился к изучению состава высшей бюрократии (в частности, С.В. Мироненко – по данным на 1825 г.³, О.В. Морякова – на вторую четверть XIX в.⁴, а П.А. Зайончковский – на 1853 г.⁵), предпринимались попытки выявить данные о служащих отдельных ведомств⁶, однако в последние десятилетия научные исследования получили иное развитие: кадровый состав местных учреждений рассматривается, главным образом, на материалах отдельных губерний. Региональный подход не только позволяет провести комплексный анализ, но и формирует основу для дальнейшего изучения государственного аппарата и подготовки

² При этом сделанная выборка не была лишена существенных недостатков: во-первых, не были выдержаны хронологические срезы (включены формулярные списки со значительным разбросом датировок: для начала века – от 1791 до 1812, для середины – от 1841 до 1853 г.); во-вторых, при выборе губерний не учитывались их особенности, которые влияли на полученные показатели (в частности, включена Тобольская губерния за 1791 г. и Московская за 1846–1851 гг.), и насколько полно представлен корпус служащих (к примеру, по Пермской губернии за 1841 г. учтены только чиновники удельного ведомства, по Харьковской губернии за 1851 г. – чиновники ведомства Министерства юстиции и т. д.). См.: *Pintner W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. – Chapel Hill (N.C.): University of North Carolina Press, 1980. – P. 225–226; Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. – 1970. – Vol. 29. – No 3. – P. 429–443.*

³ В выборку попали 135 формулярных списков губернаторов и председателей губернских палат (всего не менее 75 % от их общего количества по губерниям). См.: *Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – Москва: Наука, 1989. – С. 51–54.*

⁴ Автор привела показатели по губернаторам, председателям губернских палат и губернским прокурорам 15 губерний, а также сведения о составе прочих чиновников губернских и уездных присутственных мест, главным образом, по Московской и Владимирской губерниям. См.: *Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. – Москва: МГУ, 1998. – С. 16–17.*

⁵ Проанализированы 259 формулярных списков губернаторов, вице-губернаторов, председателей губернских палат и губернских прокуроров (всего не менее 70 % от их общего количества по губерниям). См.: *Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. – Москва: Мысль, 1978. – С. 152–177.*

⁶ К примеру, в монографии Р.С. Уортмана приводятся данные о чиновниках судебных учреждений 22 губерний на начало, конец первой четверти и середину XIX в. Собраны сведения о председателях, товарищах председателей и секретарях губернских судебных палат, губернских прокурорах, судьях и секретарях уездных судов. См.: *Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / в переводе М.Д. Долбилова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 163–170.*

компаративистских и обобщающих работ. К настоящему моменту применительно к первой половине XIX в. с разной степенью полноты представлены результаты исследования чиновничества ряда губерний⁷, в основном центра Европейской России. Окраинные территории, где более ярко была выражена региональная специфика формирования бюрократии, гораздо реже попадают в фокус исследовательской оптики. Между тем именно эти губернии дают ценную информацию об особенностях государственной кадровой политики, ее гибкости и продуманности. В этом отношении весьма интересны процессы, протекавшие на Европейском Севере России.

Цель настоящего исследования – проанализировать состав служащих Архангельской губернии первой половины XIX в. по трем основным параметрам: сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Документальной базой исследования являются материалы систематического учета чиновничества, выявленные в фонде 1349 РГИА. Групповые формулярные списки служащих Архангельской губернии за указанный хронологический период еще не вводились в научный оборот.

Основная часть

В ходе изучения коллекции формулярных списков фонда 1349 РГИА для исследования были отобраны материалы за 1807, 1826, 1844 и 1850 гг.⁸, что

⁷ *Вакилев Т.Р.* Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Пензенский государственный университет, 2017; *Иванов В.А.* Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки. – Калуга: КГПИ, 1994. *Иванов В.А.* Социальный облик местного чиновничества России в середине XIX в. // *Федерализм.* – 2009. – № 1 (53). – С. 79–92; *Мельникова И.Г.* Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2010; *Мерзлякова Л.В.* Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): дис. ... канд. ист. наук. – Удмуртский государственный университет, 1997; *Павлюк Ю.Б.* Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Государственный университет управления, 2001; *Поскачей Т.А.* Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2006; *Токмакова Ю.Н.* Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Юго-Западный государственный университет, 2011; и др.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1807. – Д. 26. – Л. 1 об.–258; 1826. – Д. 113. – Л. 1 об.–294; 1844. – Д. 157. – Л. 1 об.–22; Д. 470. – Ч. 1. – Л. 1 об.–276; Ч. 2. – Л. 1 об.–449; Ч. 3. – Л. 1 об.–308; Д. 471. – Л. 1 об.–170;

дает возможность увидеть результаты кадровой политики и Александра I, и Николая I. При выборе хронологических срезов также учитывалось и то, что уже имеются данные по составу служащих других губерний Европейского Севера России. В частности, по Вологодской губернии представлены сведения за 1801, 1806, 1810, 1818, 1826, 1834, 1844 и 1850–1852 гг.⁹, по Олонецкой – за 1803, 1826, 1844 и 1850 гг.¹⁰ Как видно, получить «ровный» хронологический срез на начало XIX в. по всем трем губерниям не получается, что обусловлено плохой сохранностью документов¹¹. Ввиду того, что с 1803 по 1807 г. значительных изменений в местном управлении не происходило, показатели за этот период можно признать сопоставимыми.

Прежде чем непосредственно обратиться к характеристике состава служащих Архангельской губернии, следует отметить, что групповые формулярные списки, главным образом, содержат информацию о чиновниках. Следовательно, сведения о лицах, не имевших классов чинов, в них, как правило, не отражены. Однако встречаются исключения. Так, материалы по Архангельской губернии за 1807, 1826 и 1850 гг. включают данные только о чиновниках. Что же касается 1844 г., то в групповые списки попали еще и канцелярские служащие, и, судя по составу должностей, есть все основания полагать, что это был относительно полный комплект служащих губернии.

Настоящее исследование направлено на изучение служащих учреждений, подведомственных министерствам внутренних дел, финансов, юстиции и государственных имуществ, т. е. тех, кто относился к «общему управлению» на местах. В свою очередь, учреждения и должности, изъятые из ведения губернского начальства и образывавшие «особые установления» (удельное, духовное, почтовое, учебное и иные ведомства), рассматриваться не будут.

Оп. 5. – Д. 145. – Л. 8 об.–418; Д. 149. – Л. 13 об.–870, доб. 1 об.-23; Д. 150. – Л. 10 об.–536; Д. 151. – Л. 1 об.–229; Д. 1070. – Л. 1 об.–53; Д. 5272. – Л. 1 об.–63.

⁹ Статистика по Вологодской губернии за указанные годы представлена в диссертационном исследовании автора настоящей статьи (см.: Плех О.А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Институт российской истории РАН, 2016), однако здесь будут приведены уточненные и дополненные сведения, полученные в ходе дальнейшего изучения кадрового обеспечения губернии.

¹⁰ См.: Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42. – № 2. – С. 58–69.

¹¹ За первое десятилетие XIX в. в фонде 1349 РГИА по Архангельской губернии представлены групповые формулярные списки за 1807, 1808 и 1809 гг., по Олонецкой – за 1803 г., по Вологодской – за 1800, 1801, 1803, 1804, 1806, 1807, 1808 и 1810 гг. (см.: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1800. – Д. 49; 1801. – Д. 47; 1803. – Д. 54, 63; 1804. – Д. 67; 1806. – Д. 37; 1807. – Д. 26, 31; 1808. – Д. 33, 43; 1809. – Д. 41; 1810. – Д. 47).

Итак, выявленные групповые формулярные списки по Архангельской губернии насчитывают всего 1 384 индивидуальных послужных списка, из них 234 – за 1807 г., 223 – за 1826, 495 – за 1844, 432 – за 1850 г. Содержащаяся в них информация была систематизирована в электронной базе данных, что позволило получить необходимые для исследования статистические показатели.

Таблица 1 отражает сословное происхождение служащих Архангельской губернии¹². Как видно, удельный вес представителей «благородного» сословия был небольшим: в начале века он составлял 12,8 %, а к середине достиг 22,2 %. Эти лица в основном служили в губернском городе: в 1807 г. 23 человека из 30 были дворянами, 1826 – 19 из 33, 1844 – 72 из 112, в 1850 г. – 74 из 96. Сравнение полученных показателей с соседними губерниями обнаруживает любопытную динамику. Среди архангельских служащих дворян было заметно меньше, чем среди олонекских (24,8 % в 1803 г., 37,3 % в 1850 г.)¹³, при общей тенденции постепенного роста их удельного веса, чего не наблюдалось в Вологодской губернии (23,7 % в 1806 г., 17,3 % в 1850)¹⁴. В случае с Олонецкой губернией более высокая доля дворян объясняется значительным количеством приезжих лиц (как воспользовавшихся служебными льготами, так и назначенных правительством в условиях дефицита кадров); в случае с Вологодской губернией, где часть должностей замещалась по результатам дворянских выборов, – прослеживается общая с губерниями Центральной России тенденция уменьшения доли «благородного» сословия в провинциальных учреждениях¹⁵. Данное сравнение позволяет увидеть, что показатели по архангельскому чиновничеству отражают особенности развития местного бюрократического аппарата. В начале XIX в. дворяне здесь занимали преимущественно ключевые руководящие должности (в 1807 г. только 8 человек на канцелярских должностях, в 1826 г. – 9), и это были лица, прибывшие в губернию по назначению правительства. К середине века значительно увеличивается количество дворян, занятых канцелярской работой (в 1844 г. – 60 человек, в 1850 – 50). По большей части это были молодые люди,

¹² В групповом формулярном списке за 1844 г. отсутствуют сведения о сословном происхождении двух служащих.

¹³ Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. – С. 59.

¹⁴ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1806. – Д. 37. – Л. 1 об.–176; Оп. 5. – Д. 224. – Л. 1 об.–6; Д. 346. – Л. 1 об.–14; Д. 1806. – Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. – Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. – Л. 1 об.–24; Д. 7664. – Л. 1 об.–469; Д. 7735. – Л. 1 об.–580; Д. 7771. – Л. 1 об.–870.

¹⁵ См.: Pintner W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855. – P. 198, 200.

являвшиеся детьми служивших и вышедших в отставку, но осевших в губернии чиновников.

В первой половине XIX в. в составе архангельских служащих увеличивалась доля детей личных дворян, или обер-офицерских детей (с 13,2 до 35,7 %), и уменьшалась – детей приказных служителей (с 18,4 до 4,2 %). Эти изменения являлись прямым следствием эволюции правил гражданского чиновничества¹⁶: право на получение классного чина при условии простой выслуги лет привело к тому, что звание канцелярского служителя стало временным; новобранцы, в большинстве своем молодые люди, с момента поступления на службу до получения чина коллежского регистратора еще не обзаводились детьми. Схожая динамика показателей наблюдалась и в губерниях Центральной России¹⁷, и в соседних. Так, среди олонекских служащих за период с 1803 по 1850 г. доля обер-офицерских детей выросла с 19,9 до 33,4 %¹⁸, а детей приказных служителей уменьшилась с 14,7 до 2,5 %; среди вологодских с 1806 по 1850 г. – с 7,4 до 23,5 % и с 20,6 до 8,4 % соответственно¹⁹. Причем в Архангельской и Олонецкой губерниях, испытывавших кадровый голод (в первую очередь, острую нехватку канцелярских служащих), эти тенденции были выражены ярче, чем в Вологодской, обладавшей более крупным аппаратом управления, где удельный вес детей приказных служителей возрастал на протяжении первой четверти XIX в. (в 1818 г. достиг 30,2 %) и лишь с 1826 г. начал снижаться²⁰.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.] (далее – ПСЗ–1). – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. 23. – № 16930; Т. 25. – № 19219.

¹⁷ См.: *Pintner W.M.* The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855. – P. 198, 200.

¹⁸ Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. – С. 59.

¹⁹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1806. – Д. 37. – Л. 1 об.–176; Оп. 5. – Д. 224. – Л. 1 об.–6; Д. 346. – Л. 1 об.–14; Д. 1806. – Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. – Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. – Л. 1 об.–24; Д. 7664. – Л. 1 об.–469; Д. 7735. – Л. 1 об.–580; Д. 7771. – Л. 1 об.–870.

²⁰ Плех О.А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века. – Л. 338.

Таблица 1

Сословное происхождение служащих Архангельской губернии²¹

Год	Дворянство		Обер-офицерские дети		Духовенство		Дети приказных служителей		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1807	30	12,8	31	13,2	73	31,2	43	18,4	57	24,4	234	100
1826	33	14,8	76	34,1	54	24,2	26	11,7	34	15,2	223	100
1844	112	22,7	175	35,5	88	17,9	34	6,9	84	17,0	493	100
1850	96	22,2	154	35,7	90	20,8	18	4,2	74	17,1	432	100

Примечание. В таблице выделено 5 групп: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян (обер-офицерские дети); 3) дети канцелярских, или приказных, служителей; 4) духовенство (дети священно- и церковнослужителей); 5) прочие социальные группы, представители которых на гражданской службе были малочисленны (выходцы из купечества, мещанства, крестьянства, иностранцы, дети унтер-офицеров и солдат, дети низших служителей гражданского, военного, почтового, горнозаводского и духовного ведомств, дети из воспитательных учреждений и др.).

Дворяне и потомственные служащие (обер-офицерские дети и дети канцелярских служителей) верховной властью рассматривались как главный источник рекрутирования кадров. Однако в случае, если эти сословные группы среди населения губернии были малочисленны и не обеспечивали требуемого количества новобранцев, то на канцелярскую службу принимали «излишних» детей священно- и церковнослужителей. В 1807 г. общий удельный вес дворян и потомственных служащих не достигал и половины (44,4 %) и почти треть архангельских служащих происходила из духовного сословия, а к середине века, когда первый показатель вырос до 62,1 %, доля детей священно- и церковнослужителей заметно сократилась (20,8 %). Материалы по соседним губерниям отражают несколько иные тенденции. В составе олонекских служащих выходцев из духовного звания было вдвое меньше (15,0 % в 1803 г., 9,6 % в 1850 г.²²). Для Вологодской губернии на протяжении всей первой половины XIX в. они являлись одним из важнейших источников пополнения

²¹ Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1807. – Д. 26. – Л. 1 об.–258; 1826. – Д. 113. – Л. 1 об.–294; 1844. – Д. 157. – Л. 1 об.–22; Д. 470. – Ч. 1. – Л. 1 об.–276; Ч. 2. – Л. 1 об.–449; Ч. 3. – Л. 1 об.–308; Д. 471. – Л. 1 об.–170; Оп. 5. – Д. 145. – Л. 8 об.–418; Д. 149. – Л. 13 об.–870, доб. 1 об.–23; Д. 150. – Л. 10 об.–536; Д. 151. – Л. 1 об.–229; Д. 1070. – Л. 1 об.–53; Д. 5272. – Л. 1 об.–63.

²² Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. – С. 59.

чиновничества (их доля увеличилась с 36,0 % в 1806 г. до 47,0 % в 1850 г.²³), что связано, в первую очередь, с составом населения («переизбыток» детей священно- и церковнослужителей, не имевших возможности получить штатные должности по духовному ведомству).

Графа «прочие» таблицы 1 объединяет представителей разных социальных групп, в том числе лиц из податных состояний, присягнувших на подданство иностранцев, незаконнорожденных, не имевших определенного сословного статуса воспитанников, а также характерных для изучаемой губернии детей морских мастеровых, морских адмиралтейских служителей и т. п. В составе чиновничества удельный вес этой категории выглядит довольно значительным (24,4 % в 1807 г., 17,1 % в 1850 г.). Аналогичная ситуация наблюдалась в Олонецкой губернии (25,6 % в 1803 г., 17,2 % в 1850 г.²⁴), но совершенно иную картину отражает состав вологодских служащих (12,3 % в 1806 г., 4,4 % в 1850 г.²⁵).

Представленные показатели обусловлены кадровыми проблемами, которые испытывала Архангельская губерния в изучаемый период. Как уже отмечалось, центральное правительство при приеме на службу стремилось сохранять сословные ограничения, поощряя поступление дворян и потомственных гражданских служащих. Выходцы из прочих слоев населения приветствовались лишь при наличии определенного уровня образования. Однако внутренние ресурсы Архангельской губернии не могли обеспечить желаемый кадровый состав. Это была «недворянская» губерния, где не проводились выборы (все дворянские должности заполнялись по назначению от правительства). Дворяне, которые находились здесь по долгу службы (гражданской и военной), не стремились осесть в суровом северном крае, а те, кто все-таки оставался «на жительство» после отставки, были немногочисленны. Кроме того, значительные трудности возникали при заполнении канцелярских мест. Эта проблема остро заявила о себе еще в период проведения губернской реформы 1775 г., когда правительство было вынуждено открыть доступ к гражданской службе «избыточным» детям церковнослужителей, семинаристам, а также всем свободным и неположенным в подушный оклад людям (в том числе купцам,

²³ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1806. – Д. 37. – Л. 1 об.–176; Оп. 5. – Д. 224. – Л. 1 об.–6; Д. 346. – Л. 1 об.–14; Д. 1806. – Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. – Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. – Л. 1 об.–24; Д. 7664. – Л. 1 об.–469; Д. 7735. – Л. 1 об.–580; Д. 7771. – Л. 1 об.–870.

²⁴ Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. – С. 59.

²⁵ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1806. – Д. 37. – Л. 1 об.–176; Оп. 5. – Д. 224. – Л. 1 об.–6; Д. 346. – Л. 1 об.–14; Д. 1806. – Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. – Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. – Л. 1 об.–24; Д. 7664. – Л. 1 об.–469; Д. 7735. – Л. 1 об.–580; Д. 7771. – Л. 1 об.–870.

вольнотпущенным)²⁶. В случаях, когда и этих мер оказывалось недостаточно, чтобы заполнить канцелярии присутственных мест, в порядке исключения допускались и представители податных сословий²⁷.

В Архангельской губернии проблема ограниченности внутренних источников рекрутирования кадров усугублялась суровостью климата и дороговизной жизни, не привлекавшими служащих из других регионов. Так, в январе 1805 г. архангельский военный губернатор И.И. Ферстер в представлении к министру внутренних дел указывал:

поелику в здешней губернии дворянских имений не состоит, а находящиеся здесь на службе чиновники все почти по неимению дворян помещенные из разных мест Всероссийской империи, не имея собственности, содержат себя одним токмо от казны получаемым жалованьем, которого... едва доставать может на одни жизненные припасы, для одежды ж и других тому подобных необходимых расходов по самой крайности должны ввергаться в долги, особенно ж те, кои обременены семействами, а по сему и в рассуждении детей своих не имеют средств, чтоб их воспитывать и обучать образом благородному состоянию соответственным, и чрез то приуговлять как бы следовало на пользу службы²⁸.

Жалованье, не менявшееся с момента проведения губернской реформы 1775 г., было несоразмерно ценам, выросшим втрое за этот период. И если для Олонецкой губернии, находившейся в аналогичной ситуации, должностные оклады были увеличены (указом от 23 февраля 1804 г.²⁹), то просьбу архангельского губернатора правительство оставило без удовлетворения³⁰. Более того, и в последующие десятилетия не предпринималось решительных мер, чтобы улучшить кадровое обеспечение губернии.

Ключевые должности в местном аппарате, а также вакансии врачей, архитекторов, землемеров удавалось заполнить чиновниками, направлявшимися по распоряжению правительства из центральных учреждений и других губерний. В 1814 г. был учрежден Александровский комитет о раненых (Комитет 18 августа 1814 г.)³¹, по определению которого с 1816 г. производилось назначение на ряд должностей. В Архангельской губернии к таким относились заседатели уголовной и гражданской палат, судья и

²⁶ См.: ПСЗ-1. – Т. 20. – № 14831; Т. 22. – № 15978.

²⁷ Подробнее см.: *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. – С. 103–105, 139–149.

²⁸ Дело по представлению губернаторов Псковского, Архангельского, Тверского об увеличении штатов губернских // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 1. – 1805. – Д. 99. – Л. 25 об.–26.

²⁹ Там же. – Л. 28–28 об.

³⁰ Дело по представлению Архангельского военного губернатора о прибавке жалованья чиновникам, служащим в тамошней губернии // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 1. – 1806. – Д. 38. – Л. 5–5 об.

³¹ ПСЗ-1. – Т. 32. – № 25642.

заседатели совестного суда, полицмейстер, городничие, земские исправники, судьи и заседатели уездных судов³². Но, как показала практика, не всегда «изувеченные офицеры» оказывались способными к гражданской службе, в особенности в судебных учреждениях, и с начала 1830-х гг. их определяли в основном на должности полицмейстеров, городничих и исправников³³. По сословной принадлежности среди назначавшихся Комитетом лиц встречаются как потомственные дворяне, так и представители разных социальных групп (дети солдат, крестьян, мещан), которым удалось на военной службе пройти путь от рядовых до офицеров. Кроме того, существовала практика назначения на определенные должности (квартирные надзиратели, тюремные смотрители, смотрители хлебных запасных магазинов, соляные, винные и хлебные приставы) вышедших в отставку по выслуге лет военных.

В то же время верховная власть продолжала заботиться о сохранении сословного принципа комплектования государственного аппарата. В частности, в 1808 г. был подтвержден запрет принимать в число канцелярских служащих лиц из купеческого, мещанского и иного податного состояния без утверждения Сената, в 1813 г. прием уволенных из духовного звания был ограничен только лицами, окончившими полный курс семинарии³⁴, а с 1827 г. законодательно закреплен исчерпывающий перечень тех, кого разрешалось принимать на службу: дворяне, дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников, дьяконов, пасторов, приказных служащих, ученых и художников, не имевших классов³⁵. В отношении Архангельской губернии эти ограничения только усугубляли проблему с канцелярскими служащими.

В 1831 г. в ходе ревизии сенаторы А.М. Корнилов и В.Ф. Мертенс отметили «медленность в производстве дел», которая происходила во многом «от чрезмерного недостатка чиновников, не токмо канцелярских, но даже и присутствующих»³⁶. Оказалось, что

сверх недостающего по штатам числа чиновников и канцелярских служащих, простирающегося до 140 человек, состоит по губернии совершенный недостаток по

³² ПСЗ–1. – Т. 33. – № 26255.

³³ Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.] (далее – ПСЗ–2). – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. – Т. 6. – Отд. 1. – № 4731. – С. 724.

³⁴ ПСЗ–1. – Т. 30. – № 23381; Т. 32. – № 25506.

³⁵ ПСЗ–2. – 1830. – Т. 2. – № 1469. – С. 895.

³⁶ Дело по отношению Архангельского военного губернатора о недостатке канцелярских служащих по этой губернии, тут же переписка о преимуществах службы вообще по губерниям // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – 1832. – Д. 175. – Л. 1.

многим местам в опытных и способных для дел по службе чиновниках и канцелярских служителях от недостаточного по службе получаемого жалованья³⁷,

в особенности в уездных учреждениях. «Способные и получившие опытность» в делах переходили в финансовое, удельное или таможенное ведомства, где «жалованья положено более», а многие, «для заслуги» 8-го классного чина, уезжали в соседнюю Олонецкую губернию, Сибирь, на Кавказ и в Грузию. Даже в губернском правлении почти половина канцелярских служителей являлись малолетними, которые, по уже устоявшейся традиции, «коль скоро образуются и приобретут познания, выходят из оногo в другие выгоднейшие должности»³⁸, а их места вынужденным образом заполнялись такими же малолетними. Архангельский военный губернатор Р.Р. Галл не видел иного пути разрешения этой проблемы, как, во-первых, увеличить жалованье по всем присутственным местам, а во-вторых, распространить льготы «по примеру Олонецкой губернии», которая «состоит во всем в равном положении по климату и невыгодам в удобствах продовольствия»³⁹. Однако и это ходатайство, поданное 29 апреля 1832 г. и подкрепленное весьма весомыми аргументами, было удовлетворено далеко не сразу и не в полном объеме.

Повышение должностных окладов происходило постепенно в 1830-е гг. в связи с обновлением штатных расписаний для всех губерний, а служебные привилегии для Архангельской губернии ввели лишь в 1839 г.⁴⁰, которые, однако, в 1842 г. пересмотрели и распространили только на три уезда (Кольский, Кемский и Мезенский)⁴¹. «В виде особого изъятия» допускалось поступление в канцелярские звания лиц из «свободных городских сословий и церковнослужителей», если «они предоставят доказательства в приобретении ими необходимых для службы познаний» (аттестаты гимназий или семинарий)⁴², а для лиц, изъявивших желание приехать из других губерний, предусматривался ряд льгот. В последнем случае Архангельская губерния

³⁷ Дело по отношению Архангельского военного губернатора о недостатке канцелярских служителей по этой губернии, тут же переписка о преимуществах службы вообще по губерниям // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 5. – 1832. – Д. 175. – Л. 1 об.

³⁸ Там же. – Л. 2.

³⁹ Там же. – Л. 3.

⁴⁰ ПСЗ–2. – Т. 14. – Отд. 1. – 1840. – № 12281.

⁴¹ Указ от 9 июня 1842 г. был призван ввести единое «законоположение» «о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи... взамен существовавших донныне разнообразных положений». См.: ПСЗ–2. – Т. 17. – Отд. 1. – 1843. – № 15731. – С. 438.

⁴² Там же. – С. 438.

оказалась менее привлекательной, нежели, например, Олонецкая⁴³. Согласно групповым формулярным спискам за 1844 г., служебные преимущества привлекли всего 37 человек (или 7,5 % от общего числа служащих), из них 14 были потомственными дворянами, 7 – обер-офицерскими детьми, 10 – выходцами из духовенства, 4 – детьми приказных служителей, 5 – из прочих социальных групп; в 1850 г. – 22 человека (или 5,1 %): 8 потомственных дворян, 6 обер-офицерских детей, 5 представителей духовенства, 1 из детей приказных служителей и 2 из категории «прочие». Архангельская губерния уступала Олонецкой⁴⁴ и по числу воспитанников приказов общественного призрения (в 1844 г. – 6 человек, в 1850 – 2). Речь идет о лицах, прошедших подготовку в особо учрежденных при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения отделениях для подготовки писцов, которые после окончания обучения распределялись по разным губерниям на вакансии писцов (эта практика существовала с 1830-х гг.)⁴⁵. В целом в составе служащих Архангельской губернии удельный вес приезжих лиц хотя и выглядит довольно значительным (в 1807 г. – 29,9 %, в 1826 – 17,9 %, в 1844 – 36,6 %, в 1850 г. – 32,4 %), но, опять же, не превышает показатели по соседней Олонецкой губернии⁴⁶.

В таблицах 2 и 3 представлен возрастной состав служащих Архангельской губернии⁴⁷. Чтобы избежать искажения показателей и привести сопоставимые данные, в таблице 2 не учитывались не имевшие классовых чинов канцелярские служители (таковые были включены в групповой формулярный список за 1844 г., а также в материалы по губернской строительной и дорожной комиссии за 1850 г.). Как уже упоминалось, за 1844 г. мы располагаем сведениями о полном комплекте служащих, что позволило сравнить возрастной состав чиновников и канцелярских служителей (см. табл. 3).

Из таблицы 2 следует, что в 1807 г. 28,6 % чиновников были в возрасте от 21 года до 30 лет, 25,2 % – от 31 до 40, 23,5 % – от 41 до 50; в 1826 г. – 40,7 %, 24,0 %, 11,8 %, соответственно; в 1844 г. – 28,0 %, 30,8 %, 19,9 %; в 1850 г. – 27,6 %, 31,9 %, 22,7 %. Эти показатели в полной мере соотносятся с динамикой, наблюдавшейся и в других губерниях. В результате губернской реформы

⁴³ Согласно групповым формулярным спискам 1844 г., в Олонецкой губернии доля служащих, воспользовавшихся льготами, составила 22,1 %, в 1850 г. – 31,2 %. См.: Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. – С. 61.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ПСЗ–2. – Т. 1. – 1830. – № 64.

⁴⁶ В Олонецкой губернии доля приезжих в 1803 г. составляла 44,0 %, в 1826 – 55,2 %, в 1844 – 49,0 %, в 1850 г. – 58,2 %. См.: Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. – С. 59.

⁴⁷ В групповом формулярном списке за 1826 г. отсутствуют сведения о возрасте двух служащих, за 1844 – трех.

1775 г. на местах появилось большое количество новых учреждений, что потребовало заполнения многочисленных вакансий. Поступившие тогда на службу новобранцы к 1807 г. составляли ядро кадрового состава присутственных мест, средний возраст чиновничества Архангельской губернии достиг 38 лет. В последующие десятилетия происходило постепенное омоложение, и к началу правления Николая I средний возраст чиновников равнялся 36 годам. Приток молодых людей ознаменовал «смену поколений», когда абсолютное большинство служащих относилось к лицам не старше 40 лет. В последующие два десятилетия состав учреждений существенно «постарел» (в 1844 г. средний возраст достиг 40 лет), что, по всей видимости, следует связывать с отсутствием действенных правительственных мер, направленных на решение кадрового вопроса, хотя к середине XIX в. приток «свежих» сил все-таки ощущался (средний возраст – 39 лет). К этому времени и в других губерниях наметилась вторая волна «смены поколений» служащих.

Таблица 2

Возрастной состав чиновников Архангельской губернии⁴⁸

Возрастная категория	1807 г.		1826 г.		1844 г.		1850 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
до 21 года	15	6,4	11	5,0	0	0,0	1	0,2
21–30 лет	67	28,6	90	40,7	104	28,0	118	27,6
31–40 лет	59	25,2	53	24,0	114	30,8	136	31,9
41–50 лет	55	23,5	26	11,8	74	19,9	97	22,7
51–60 лет	29	12,4	25	11,3	55	14,8	58	13,6
старше 60 лет	9	3,9	16	7,2	24	6,5	17	4,0
Всего	234	100,0	221	100,0	371	100,0	427	100,0

Схожие тенденции прослеживаются и в ходе анализа материалов по Вологодской губернии, где с 1806 по 1826 г. средний возраст чиновничества уменьшился с 37 до 35 лет, к 1844 г. – увеличился до 37, а в 1850 г. – составил 36 лет⁴⁹. Иные данные были получены по Олонецкой губернии (1803 г. – 38 лет,

⁴⁸ Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1807. – Д. 26. – Л. 1 об.–258; 1826. – Д. 113. – Л. 1 об.–294; 1844. – Д. 157. – Л. 1 об.–22; Д. 470. – Ч. 1. – Л. 1 об.–276; Ч. 2. – Л. 1 об.–449; Ч. 3. – Л. 1 об.–308; Д. 471. – Л. 1 об.–170; Оп. 5. – Д. 145. – Л. 8 об.–418; Д. 149. – Л. 13 об.–870, доб. 1 об.–23; Д. 150. – Л. 10 об.–536; Д. 151. – Л. 1 об.–229; Д. 1070. – Л. 1 об.–53; Д. 5272. – Л. 1 об.–63.

⁴⁹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1806. – Д. 37. – Л. 1 об.–176; 1826. – Д. 129. – Л. 1 об.–492; 1844. – Д. 473. – Ч. 1. – Л. 1 об.–256; Ч. 2. – Л. 1 об.–332; Ч. 3. – Л. 1 об.–559; Д. 474. – Ч. 1. – Л. 1 об.–27; Ч. 2. – Л. 1 об.–246; Оп. 5. – Д. 224. – Л. 1 об.–6; Д. 346. – Л. 1 об.–14; Д. 1806. – Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. – Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. – Л. 1 об.–24; Д. 7664. – Л. 1 об.–469; Д. 7735. – Л. 1 об.–580; Д. 7771. – Л. 1 об.–870.

1826 – 42, 1844 – 39, 1850 г. – 35⁵⁰), что объясняется нехваткой служащих, значительным числом вакантных мест и отсутствием желающих их заполнить в первой четверти XIX в., и введением преимуществ по службе, обеспечивших приток чиновников из других регионов, – во второй четверти.

Данные, представленные в таблице 3, позволяют сравнить возраст чиновников и канцелярских служащих Архангельской губернии в 1844 г. Как известно, званием канцелярского служащего наделялись поступавшие на службу новобранцы, основная часть которых являлась молодыми людьми. Изменения в системе чинопроизводства, происходившие на протяжении первой половины XIX в., фактически закрепляли право на получение первого классного чина по выслуге лет, соответственно, переход канцелярских служащих в разряд чиновников ограничивался определенным и довольно непродолжительным временем. Из таблицы 3 видно, что в 1844 г. 96,7 % канцелярских служащих были младше 30 лет. С 1827 г. действовали возрастные ограничения при поступлении на службу: запрещалось принимать не достигших 14 лет, а действительная служба исчислялась с 16-летнего возраста⁵¹. С 1834 г. сроки награждения чинами стали зависеть от уровня образования⁵², что стимулировало молодых людей к прохождению полного курса обучения и получению аттестатов средних и высших учебных заведений (а это, как правило, удавалось сделать лишь к 20 годам). Эти законоположения напрямую повлияли на возрастной состав канцелярских служащих: в 1844 г. в Архангельской губернии самому молодому из них было 14 лет, а основную массу составляли лица в возрасте от 21 до 30 лет.

Таблица 3

**Возрастной состав чиновников и канцелярских служащих
Архангельской губернии в 1844 г.⁵³**

Возрастная категория	Чиновники и специалисты		Канцелярские служащие	
	чел.	%	чел.	%
до 16 лет	0	0,0	1	0,8
16–20 лет	0	0,0	42	34,7
21–30 лет	104	28,0	74	61,2
старше 30 лет	267	72,0	4	3,3
Всего	371	100,0	121	100,0

⁵⁰ Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. – С. 62.

⁵¹ ПСЗ–2. – Т. 2. – 1830. – № 1469. – С. 896.

⁵² ПСЗ–2. – Т. 9. – Отд. 1. – 1835. – № 7224. – С. 657.

⁵³ Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1844. – Д. 157. – Л. 1 об.–22; Д. 470. – Ч. 1. – Л. 1 об.–276; Ч. 2. – Л. 1 об.–449; Ч. 3. – Л. 1 об.–308; Д. 471. – Л. 1 об.–170.

Для изучения уровня образования служащих групповые формулярные списки первой половины XIX в. малоинформативны, поскольку внесение этих сведений не предусматривалось. Лишь после издания указа от 16 июля 1849 г., введившего новую форму послужного списка, информация о том, где служащий «получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук»⁵⁴, стала обязательной. Так, в групповом формулярном списке за 1807 г. образование отмечено только у 61 служащего (26,1 % от общего числа), из них у шестерых названы учебные заведения (1 – Академия художеств, 1 – Горное училище, 2 – Морской кадетский корпус, 2 – кадетские корпуса (Артиллерийский и Инженерный)), у одного сделана отметка, что обучался «на российском и немецком диалектах читать и писать»⁵⁵, и еще у 54-х указание на посещение семинарии выдает графа «Из какого звания происходит» («семинарист», «студент»⁵⁶). В 1826 г. информация об учебных заведениях отражена в послужных списках 33 чиновников (14,7 %), причем у 16 человек в графе с прохождением службы (1 – горное училище, 1 – Московский университет, 4 – кадетские корпуса, 4 – гимназии, 3 – семинарии, 3 – духовные уездные и приходские училища), а у 17 – в графе «Из какого звания происходит» (один «воспитанник Академии художеств», один «кандидат богословия», тринадцать «семинаристов», два «воспитанника приказа общественного призрения»). Как видно, сведения об образовании довольно скудные. В основном встречаются записи о высших и средних учебных заведениях, по которым, к сожалению, невозможно установить, удалось ли чиновнику пройти полный курс обучения.

После обнародования указа от 25 июня 1834 г.⁵⁷, связавшего скорость приобретения чинов с наличием аттестатов учебных заведений, стало уделяться

⁵⁴ ПСЗ–2. – Т. 24. – Отд. 2. – 1850. – № 23401. Штаты и табели. – С. 160.

⁵⁵ Формулярные списки чиновников Архангельской губернии // РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – 1807. – Д. 26. – Л. 86 об.–87.

⁵⁶ В первой четверти XIX в. в графе «Из какого звания происходит» нередко вместо сословного происхождения помещалось указание на образовательное или воспитательное учреждение, из которого вышел чиновник («из семинаристов», «из студентов», «из воспитанников», «воспитанников Московского императорского воспитательного дома» и т. д.). При подсчетах лица, имевшие отметки «из семинаристов» и «из студентов», были отнесены к духовенству, поскольку семинария являлась средним учебным заведением для представителей этого сословия (лица, не прошедшие полный курс обучения, обозначались «семинаристами», прошедшие – «студентами»). Запись «из студентов» не могла относиться к лицу с неполным или полным высшим образованием (в первом случае делалась отметка «из университетских учеников», а для тех, кому удавалось пройти полный курс университета, представлялась возможность получения ученых степеней – «кандидат», «магистр», «доктор», а с 1819 г. – еще и «действительный студент»).

⁵⁷ «Высочайше утвержденное Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» // ПСЗ–2. – Т. 9. – Отд. 1. – 1835. – № 7224. – С. 657.

больше внимания отметкам об образовании в послужных списках. Однако это касалось, главным образом, высшего и среднего образования. Низшее, как и незаконченное среднее, не дававшие преимуществ в чинопроизводстве, по-прежнему упоминались редко. В 1844 г. информацию о своем образовании сообщили 22,6 % от всех архангельских служащих. Из них высшие учебные заведения посещали 20 человек: 17 получили гражданские специальности, в том числе 14 медиков, двое обучались в духовных академиях и один в Морском кадетском корпусе. Среднее образование, в том числе незаконченное, отмечено в послужных списках 60 служащих, из них 19 учились в заведениях Министерства народного просвещения, 26 – в семинариях, 11 – в кадетских корпусах и 4 – в средних профессиональных училищах (Санкт-Петербургское коммерческое училище, Училище гражданских инженеров, Училище казенных землемеров при Волынском лицее). Посещение низших учебных заведений было отражено в послужных списках 32 человек, причем эта отметка делалась, главным образом, у тех, кто «на казенном коште» проходил подготовку к канцелярской работе. В частности, 17 служащих являлись выпускниками Архангельского училища детей канцелярских служащих⁵⁸. Это учебное заведение, открытое 22 августа 1833 г. и рассчитанное на 25 воспитанников⁵⁹, предназначалось для подготовки детей «неимущих» канцелярских служащих «к службе в присутственных местах гражданского ведомства»⁶⁰. Оно подчинялось Министерству внутренних дел и находилось в непосредственном ведении Архангельского приказа общественного призрения, на средства которого и содержалось. Выпускники по назначению правительства должны были прослужить в гражданском ведомстве не менее 8 лет (поступали на вакансии писцов низшего разряда), а показавшие «успехи в науках» получали возможность на казенном содержании продолжить обучение в гимназиях, из которых поступали на вакансии писцов высшего разряда (обязаны были служить не менее 6 лет)⁶¹. Отметим также, что в училище запрещалось принимать детей служащих, имевших чины (даже если бы они и занимали канцелярские должности)⁶². И в этой связи обращает на себя внимание сословная принадлежность выпускников Архангельского училища: из 17 человек, попавших в групповые формулярные списки за 1844 г., 15 являлись

⁵⁸ Учреждено в соответствии с указом от 16 февраля 1828 г. См.: ПСЗ–2. – Т. 3. – 1830. – № 1814.

⁵⁹ С 1833 по 1844 г. училище произвело всего три выпуска (1837, 1839, 1843 гг.), общее количество выпускников составило 21 человек. См.: Шнерк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в городе Архангельске. – Архангельск: Архангельская губернская типография, 1905. – С. 32.

⁶⁰ Шнерк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в городе Архангельске. – С. 31.

⁶¹ ПСЗ–2. – Т. 3. – 1830. – № 1814. – С. 168.

⁶² ПСЗ–2. – Т. 3. – 1830. – № 2416.

детьми потомственных и личных дворян и только двое – приказных служителей. Еще один тип низших учебных заведений, который, как правило, упоминался в послужных списках, – это отделения для подготовки писцов, учрежденные при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения. Ранее уже упоминалось, что в 1844 г. среди архангельских служащих насчитывалось 6 выпускников этих отделений. Они так же, как и ученики училищ детей канцелярских служителей, обязывались поступать на службу по гражданскому ведомству (лица, выпущенные в звании младших писцов, служили не менее 10 лет, старших – 8)⁶³.

Если следовать уже сложившейся в научной литературе традиции⁶⁴ и предположить, что все лица, не сообщившие сведения об образовании, получили домашнее воспитание, то получается, что в 1844 г. среди служащих Архангельской губернии удельный вес лиц с высшим образованием составлял 4,0 %, со средним – 12,1 %, с низшим – 6,5 %. Такое обобщение весьма условно, и это наглядно отражает таблица 4, из которой следует, что всего через 6 лет удельный вес служащих с домашним воспитанием сократился почти в 3 раза (с 77,4 до 27,3 %). Конечно, подобная динамика показателей отражает вовсе не рост образовательного уровня, а результаты введения новой формы послужного списка в соответствии с указом от 16 июля 1849 г.⁶⁵, поскольку при составлении групповых формулярных списков в 1850 г. все служащие обязаны были предоставить сведения о том, какие учебные заведения они посещали. В связи с этим в таблице 4 удалось представить наиболее полные данные⁶⁶. В середине XIX в. высшее образование получили 23 чиновника Архангельской губернии, из них 16 окончили университеты и медико-хирургические академии, 4 – духовные академии, 1 – Морской кадетский корпус, 1 – Институт корпуса путей сообщения, 1 – Педагогический институт. Законченное среднее образование отмечено у 59 человек (25 – гимназии, 21 – семинарии, 8 – кадетские корпуса и военные училища, 5 – средние профессиональные училища); незаконченное среднее – у 91 (59, 29, 2 и 1 соответственно). В послужных списках 138 чиновников указаны низшие учебные заведения, в том числе училище детей канцелярских служителей (24 человека).

⁶³ ПСЗ–2. – Т. 1. – 1830. – № 64.

⁶⁴ Еще в 1970-е гг. П.А. Зайончковский предложил всех служащих, не указавших в формулярном списке уровень образования, относить к категории получивших домашнее воспитание (см.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – С. 12). Впоследствии такой подход стал общепринятым в исторических исследованиях.

⁶⁵ ПСЗ–2. – Т. 24. – Отд. 2. – 1850. – № 23401. Штаты и табели. – С. 160.

⁶⁶ В групповых формулярных списках за 1850 г. отсутствуют сведения об образовании четырех служащих.

Таблица 4

Образовательный уровень служащих Архангельской губернии в 1850 г.⁶⁷

Уровень образования	чел.	%
Высшее образование (законченное, незаконченное)	23	5,4
Среднее законченное образование	59	13,8
Среднее незаконченное образование	91	21,3
Низшее образование (законченное, незаконченное)	138	32,2
Домашнее образование	117	27,3
Всего	428	100,0

Наиболее подготовленной к своей профессиональной деятельности частью местного чиновничества были специалисты: медики, архитекторы и землемеры. В середине XIX в. на эти должности, требовавшие квалифицированных кадров, правительство крайне редко назначало лиц без соответствующих аттестатов. Но для отдаленных губерний допускались исключения. В Архангельской губернии из 23 специалистов, попавших в групповые формулярные списки, 16 имели высшее образование (15 медиков и 1 архитектор), 5 – среднее (3 архитектора и 2 землемера), 1 – неполное среднее (землемер), 1 – низшее (архитектор).

Что же касается остальных служащих, в том числе и составлявших губернскую администрацию, то, по-видимому, здесь уровень образования не являлся главным критерием при определении к должности. При отборе кандидатов на руководящие посты, как и в предыдущие десятилетия, первостепенную роль играли прежний служебный опыт и личные связи. Так, архангельский губернатор В.Ф. Фрибес «воспитывался» в пансионе при Санкт-Петербургской гимназии, а затем «в свободные от службы часы» слушал лекции в Педагогическом институте⁶⁸, управляющий палатой государственных имуществ Ф.И. Антонов являлся выпускником 2-го кадетского корпуса⁶⁹, управляющий конторой государственного коммерческого банка П.П. Фан-дер-Флит – Павловского кадетского корпуса⁷⁰, председатель казенной палаты

⁶⁷ Составлено по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 145. – Л. 8 об.–418; Д. 149. – Л. 13 об.–870, доб. 1 об.–23; Д. 150. – Л. 10 об.–536; Д. 151. – Л. 1 об.–229; Д. 1070. – Л. 1 об.–53; Д. 5272. – Л. 1 об.–63.

⁶⁸ Формулярные списки архангельского гражданского губернатора и других чиновников Архангельской губернии по ведомству Министерства внутренних дел // РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 149. – Л.13 об.–14.

⁶⁹ Формулярные списки управляющего Архангельской палатой государственных имуществ и других чиновников Архангельской губернии по ведомству Министерства государственных имуществ // РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 151. – Л. 1 об.–2.

⁷⁰ Формулярные списки чиновников Архангельской конторы государственного коммерческого банка // РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 5272. – Л. 1 об.–2.

В.Ф. Миронов закончил народное училище⁷¹, а вице-губернатор Г.М. Никифоров, председатель палаты уголовного и гражданского суда П.П. Мальцов, председатель коммерческого суда С.И. Каратаев и губернский прокурор П.С. Пилипенко получили домашнее воспитание⁷².

В целом, если не учитывать специалистов, в губернских учреждениях уровень образования служащих был выше, чем в уездных и городских. Каждый пятый чиновник имел аттестат высшего или среднего учебного заведения, доля лиц со средним незаконченным образованием составляла 22,7 %, с низшим – 35,5 %, с домашним – 20,7 %. При этом более образованными были члены присутствий учреждений: здесь удельный вес лиц с высшим и средним образованием достигал 40 %, тогда как в канцеляриях – только 15 %. Среди служащих уездных и городских органов власти вовсе не имелось лиц, посещавших высшие учебные заведения, доля тех, кто имел среднее образование, составляла лишь 8,9 %, среднее незаконченное – 21,8 %, низшее – 32,2 %, домашнее – 37,1 %. Однако и тут образовательный уровень присутствующих лиц был несколько выше, чем канцелярских работников.

Следует обратить внимание и на сословное происхождение. Несмотря на то, что верховная власть поощряла поступление детей дворян и чиновников в учебные заведения, в 1850 г. среди состоявших на службе дворян только каждый четвертый имел аттестат гимназии или университета (5,4 % – высшее образование, 21,3 % – среднее, 28,7 % – незаконченное среднее, 19,1 % – низшее), а среди обер-офицерских детей – лишь единицы (1,9; 5,9; 15,7 и 41,2 % соответственно). Можно предположить, что отдельным семьям удавалось и в домашних условиях обеспечить детям «приличное воспитание», однако вряд ли это было возможно в среде местного чиновничества, жаловавшегося на бедность, низкие оклады и дороговизну жизни. Неслучайно, в 1850 г. из 24 выпускников училища детей канцелярских служителей трое были детьми потомственных и 21 – личных дворян. По-видимому, такой состав, не соответствовавший правилам приема учащихся, допускался с учетом материальных трудностей служащих губернии. При этом не совсем понятно, почему дети приказных служителей не пользовались возможностью пройти обучение за казенный счет в учрежденном специально для них училище, тем более, что среди этой категории служащих уровень образования был довольно

⁷¹ Формулярные списки председателя Архангельской казенной палаты и других чиновников Архангельской губернии по ведомству Министерства финансов // РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 150. – Л. 10 об.–11.

⁷² Формулярные списки председателя Архангельского коммерческого суда и других чиновников Архангельской губернии по ведомству Министерства юстиции // РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 145. – Л. 8 об.–9, 18 об.–19, 26 об.–27; Формулярные списки архангельского гражданского губернатора и других чиновников Архангельской губернии по ведомству Министерства внутренних дел // Там же. – Д. 149. – Л. 31 об.–32.

низким (лиц, посещавших высшие учебные заведения, не имелось; среднее образование получили 16,7 %, незаконченное среднее – 5,5 %, низшее – 38,9 %, домашнее – 38,9 %). Высокие показатели в уровне образования демонстрировали выходцы из духовного сословия, для которого обучение грамоте являлось обязательным: доля лиц с высшим образованием составляла 6,7 %, со средним – 22,5 %, с незаконченным средним – 32,6 %, с низшим – 31,5 %, с домашним – 6,7 %. Любопытными выглядят данные по представителям прочих социальных групп в составе служащих (12,2; 9,5; 13,5; 29,7 и 35,1 % соответственно). Среди них выделяются, во-первых, лица, поступившие на службу благодаря получению аттестатов высших и средних учебных заведений, во-вторых, прошедшие военную службу и вышедшие в отставку «за ранами» либо по выслуге лет, которые вовсе не посещали учебных заведений либо воспитывались в военно-сиротских отделениях, и, наконец, те, кто был принят на службу по причине нехватки канцелярских служащих и отсутствия других желающих заполнить эти вакансии.

Таким образом, в середине XIX в. подавляющее большинство служащих Архангельской губернии ограничило свое обучение программой уездных училищ либо несколькими классами гимназии / семинарии, или же вовсе знаниями, полученными в домашних условиях. Такие показатели можно связать как с высокой платой за обучение, которую не могли себе позволить малообеспеченные семьи местных чиновников, так и с плохой успеваемостью и низкой мотивацией (исключение из учебных заведений часто сопровождалось указанием на отсутствие желания или способностей «к продолжению дальнейших наук»). Схожие тенденции просматриваются и на материалах соседних губерний. Так, в Олонецкой губернии в 1850 г. удельный вес служащих с высшим образованием составлял 10,8 %, со средним – 10,6 %, с незаконченным средним – 23,3 %, с низшим – 29,2 %, с домашним – 26,1 %⁷³, в Вологодской – 5,7; 19,5; 26,4; 39,9 и 8,5 % соответственно⁷⁴.

Заключение

Приоритетом государственной кадровой политики являлось формирование местного бюрократического аппарата с руководящим звеном в лице дворянства и основным «рабочим» массивом, наполняемым потомственными гражданскими служащими, т. е. обер-офицерскими детьми и детьми канцелярских служащих. И в этом отношении состав служащих

⁷³ Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века. – С. 63.

⁷⁴ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 224. – Л. 1 об.–6; Д. 346. – Л. 1 об.–14; Д. 1806. – Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. – Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. – Л. 1 об.–24; Д. 7664. – Л. 1 об.–469; Д. 7735. – Л. 1 об.–580; Д. 7771. – Л. 1 об.–870.

Архангельской губернии не мог в полной мере соответствовать ожиданиям правительства. Внутренние ресурсы этой недворянской территории оказались весьма ограничены, а условия службы не привлекали чиновников из других губерний. На ключевые должности в местном аппарате (губернатор, вице-губернатор, председатели губернских палат, губернский прокурор) чиновники, в большинстве своем дворяне, направлялись по распоряжению центрального правительства. По мере развития профессионального образования постепенно преодолевался дефицит специалистов, и к середине XIX в. уже удавалось укомплектовать штат врачей и землемеров даже в отдаленных северных уездах. С 1816 г. вакансии в полицейских учреждениях стали заполнять отставные военные, происходившие из разных сословий, в том числе податных. В 1839 г. верховная власть была вынуждена распространить на Архангельскую губернию служебные привилегии, которые уже в 1842 г. пересмотрели и ограничили только тремя уездами. Перечисленные меры, конечно, давали определенный эффект, но оказались недостаточны, чтобы решить все кадровые проблемы, в особенности нехватку канцелярских служащих, которая ощущалась довольно остро на протяжении всего изучаемого периода, правда, не в такой степени, как в соседней Олонецкой губернии.

Все это напрямую отразилось на составе архангельского чиновничества. В отношении сословного происхождения показатели заметно различались и с общероссийскими данными, и с другими северными территориями. Удельный вес дворян и потомственных гражданских служащих, в начале века составлявший 44 %, постепенно возрастал и к середине века достиг 62 %, а доля детей священно- и церковнослужителей сократилась с 31 до 18–20 %, при этом сохранялось значительное представительство прочих социальных групп (в 1807 г. – 24 %, в 1850 – 17). С одной стороны, пополнение местных учреждений извне способствовало приросту предпочтительных для верховной власти сословий, но с другой, – недостаток канцелярских служащих вынуждал открывать доступ на гражданскую службу и иным категориям населения, в том числе людям из податных состояний. Показатели по возрастному составу в целом синхронизируются с общероссийскими тенденциями: на протяжении первой четверти XIX в. наблюдалось омоложение кадров (в 1807 г. средний возраст – 38 лет, в 1826 – 36), а в последующие два десятилетия – старение (в 1844 г. – 40 лет), которое удалось остановить лишь к 1850 г. (39 лет). Следовательно, Архангельская губерния, как и другие, пережила две «смены поколения» чиновничества, с той лишь разницей, что «старение» в 1830-е гг. было выражено более ярко, что, конечно, связано с условиями службы в этот период, не привлекавшими молодые кадры. Данные относительно образования свидетельствуют об общем низком уровне профессиональной подготовки, что в полной мере соответствовало и общероссийским показателям.

Заинтересованность лиц, планировавших поступать на государственную службу, в посещении учебных заведений стала появляться лишь после принятия указа от 25 июня 1834 г., связавшего чиновничество с образованием. Материалы по Архангельской губернии отражают, что в первой четверти XIX в. только единицы могли похвастаться аттестатами средних и высших учебных заведений. К середине века число таких лиц достигло 19 %, однако доля служащих, получивших домашнее воспитание или посещавших низшие учебные заведения, все еще оставалась очень высокой (почти 60 %). Наиболее подготовленной к своей профессиональной деятельности частью местного чиновничества являлись специалисты, что же касается низовых канцелярских должностей, то для их замещения было достаточно уметь читать, писать и знать четыре правила арифметики.

Introduction

A full-fledged description of local bureaucratic apparatus of the Russian Empire is not possible without the analysis of the composition of the officials, and considerable attention has been paid to this issue in present-day historical science.¹

¹ The historiography of the officialdom of the Russian Empire, both domestic and foreign, is quite extensive (see, for example, A.N. Biktasheva, *Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the 19th century* [in Russian] (Moscow: Novyi khronograf, 2012); N.P. Eroshkin, *Serfdom autocracy and its political institutions (The first half of the 19th century)* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1981); N.P. Matkhanova, *Higher administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: Problems of social stratification* [in Russian] (Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002); L.F. Pizar'kova, *State administration of Russia from the end of the 17th to the end of the 18th centuries: evolution of the bureaucratic system* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2007); L.F. Pizar'kova, *State administration of Russia in the first third of the 19th century: formation of the ministerial system* [in Russian] (Moscow: Novyi khronograf, 2019); S.M. Troitskii, *Russian absolutism and the nobility in the 18th century. The formation of bureaucracy* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1974); L.E. Shepelev, *Official world of Russia: the 18th – early 20th centuries* [in Russian] (St Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2001); S. Velychenko, “The Size of the imperial Russian bureaucracy and army in comparative perspective,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 49, no. 3 (2001): 346–62; W.B. Lincoln, *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982); W.B. Lincoln, “The Genesis of an ‘Enlightened’ Bureaucracy in Russia, 1825–1856,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 20, no. 3 (1972): 321–30; M. Raeff, “The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905,” *The American Historical Review*, vol. 84, no. 2 (1979): 399–411;

One of the most important sources for studying official personnel is the collection of group records of service (F. 1349), well preserved in the Russian State Historical Archive (RGIA). Referring to these materials, one faces the problem of their massiveness. Without statistical analysis, numerous service records of officials do not allow us to collect general data for all provinces within the framework of a single study, even an extensive one, which would cover a long chronological period. In the works of historians who were the first to undertake the processing of these documents, the information on the composition of officialdom is presented on the basis of a sample. For instance, W. Pintner characterized provincial officialdom of the early 19th century according to the materials from eight governorates and the officialdom of mid-19th century, based on the data from twelve governorates.² A number of authors studied the composition of higher bureaucracy (in particular, S. Mironenko according to the data for 1825;³ O. Moryakova, for the second quarter of the 19th century;⁴ P. Zaionchkovskii, for 1853⁵). Attempts were made to reveal the

W.M. Pintner, *Russian Officialdom: the Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century* (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1980); H.-J. Torke, "Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, vol. 13 (1967): 7–345; G.L. Yaney, *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905* (Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1973)). The text of this article contains the analysis of only those works which provide specific data on the composition of officials in the first half of the 19th century.

² At the same time, sampling has significant drawbacks. Firstly, chronological framework was not observed (the sample includes records of service with a significant scatter of dates: for the beginning of the century, from 1791 to 1812; for the middle of the century, from 1841 to 1853). Secondly, in the selection of governorates, their peculiarities which influenced the indicators obtained were not taken into account (in particular, the data of Tobolsk Governorate for 1791 and Moscow Governorate for 1846–51 were included), and the completeness of officials' representation was not taken into account either (for example, in Perm Governorate of 1841, only officials of the Imperial property administration were taken into account; in Kharkov Governorate of 1851, officials of the department of the Ministry of Justice, etc.). See W.M. Pintner, "The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855," in *Russian officialdom: The bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century* (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1980), 225–26; W.M. Pintner, "The social characteristics of the early nineteenth-century Russian bureaucracy," *Slavic Review*, vol. 29, no. 3 (1970): 429–43.

³ The sample includes 135 records of service of governors and heads of governorate chambers (in total, at least 75% of their total number by governorates). See S.V. Mironenko, *Autocracy and reform. Political struggle in Russia at the beginning of the 19th century* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1989), 51–54.

⁴ The author cited indicators for governors, chairmen of governorate chambers, and provincial prosecutors of 15 governorates as well as information on the composition of other officials in governorate and district public offices, mainly in Moscow and Vladimir governorates. See

data on the officials of individual departments.⁶ In recent decades, scientific research has developed in a different way: personnel of local institutions is considered mainly on the materials of individual governorates. The regional approach not only allows a comprehensive analysis but also forms the basis for further study of state apparatus and preparation of comparative and generalizing works. In relation to the first half of the 19th century, the results of studying the officialdom of a number of governorates,⁷ mainly of Central European Russia, have been presented with varying degrees of completeness. The outskirts where the regional character of bureaucracy formation was more pronounced attract the attention of researchers much less frequently. Meanwhile, these governorates provide valuable information about specific features of personnel policy of the state, its flexibility and thoughtfulness. In this respect, the processes which occurred in Northern European Russia are of great interest.

The purpose of this study is to analyze the composition of Archangelsk Governorate officialdom in the first half of the 19th century according to three main

O.V. Moryakova, *System of local government in Russia under Nicholas I* [in Russian] (Moscow: MGU, 1998), 16–17.

⁵ 259 records of service of governors, vice-governors, heads of governorate chambers and governorate prosecutors were analyzed (in total, at least 70% of their total number by governorates). See P.A. Zaionchkovskii, *Government apparatus of autocratic Russia in the 19th century* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1978), 152–77.

⁶ For example, the monograph by Richard S. Wortman provides data on officials of judicial institutions of 22 governorates at the beginning, end of the first quarter, and the middle of the 19th century. Information was collected on the chairmen, deputy chairmen, and secretaries of governorate court chambers, governorate prosecutors, judges, and secretaries of uyezd courts. See R.S. Wortman, *The development of a Russian legal consciousness* [in Russian], trans. M.D. Dolbilov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004), 163–70.

⁷ T.R. Vakilev, *Provincial officialdom in the system of state administration in the second quarter of the 19th century (based on the materials of Penza Governorate)* [in Russian] (PhD diss., Penza State University, 2017); V.A. Ivanov, *Provincial officialdom of the 1850–1860s in Russia (based on the materials of the Moscow and Kaluga governorates). Historical and source study essays* [in Russian] (Kaluga: KGPI, 1994); V.A. Ivanov, “Social appearance of local officials in Russia in the middle of the 19th century” [in Russian], *Federalizm*, vol. 53, no. 1 (2009): 79–92; I.G. Mel'nikova, *Officialdom of the Upper Volga governorates in the first quarter of the 19th century* [in Russian] (PhD diss., Yaroslavl Demidov State University, 2010); L.V. Merzlyakova, *Officialdom of Vyatka Governorate of the first half of the 19th century (an attempt of socio-political description)* [in Russian] (PhD diss., Udmurt State University, 1997); Yu.B. Pavlyuk, *Russian officialdom in the system of local government in first half of the 19th century: based on materials of Moscow and Tver governorates* [in Russian] (PhD diss., State University of Management, 2001); T.A. Poskachei, *Provincial officialdom of Russia in the last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries (based on the materials of Ryazan Governorate)* [in Russian] (PhD diss., Tula Lev Tolstoy State Pedagogical University, 2006); Yu.N. Tokmakova, *Provincial officialdom of Central Russia in 1801–1861 (based on the materials of Kursk Governorate)* [in Russian] (PhD diss., Southwest State University, 2011); et al.

parameters: social background, age, and level of education. The materials of systematic recording of the officials, found in Fonds 1349 of the RGIA make the documentary basis of the study. Group records of service of Arkhangelsk Governorate officials for the indicated chronological period have not been introduced into scientific circulation yet.

Main body

In the course of studying the collection of records of service of RGIA Fonds 1349, the materials for 1807, 1826, 1844, and 1850 were selected for research,⁸ which makes it possible to see the results of personnel policy both of Alexander I and of Nicholas I. When choosing chronological framework, it was also taken into account that the data on the composition of officials in other governorates of Northern European Russia have already been published. In particular, the information on Vologda Governorate is available for 1801, 1806, 1810, 1818, 1826, 1834, 1844, and 1850–52;⁹ on Olonets Governorate, for 1803, 1826, 1844, and 1850.¹⁰ As one can see, it is not possible to obtain a ‘homogeneous’ chronological profile of all three provinces of the beginning of the 19th century due to poor preservation of the documents.¹¹ In view of the fact that from 1803 to 1807 there were no significant changes in local government, the indicators for this period can be recognized as comparable.

Before referring directly to the characteristics of Arkhangelsk Governorate official employees, it should be noted that group records of service mainly contain information about the officials. Consequently, as a rule, the information about the

⁸ F. 1349, op. 4, 1807, d. 26, ll. 1 ob.–258; 1826, d. 113, ll. 1 ob.–294; 1844, d. 157, ll. 1 ob. – 22; D. 470, ch. 1, ll. 1 ob.–276; Ch. 2, ll. 1 ob.–449; Ch. 3, ll. 1 ob.–308; D. 471, ll. 1 ob.–170; Op. 5, d. 145, l. 8 ob.–418; D. 149, ll. 13 ob.–870, dob. 1 ob.–23; D. 150, ll. 10 ob.–536; D. 151, ll. 1 ob.–229; D. 1070, ll. 1 ob.–53; D. 5272, ll. 1 ob.–63. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

⁹ Statistics for Vologda Governorate for the indicated years is presented in the dissertation research of the author of this article (see O.A. Plekh, *Local government in Vologda Governorate in the first half of the 19th century* [in Russian] (PhD diss., Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2016)). However, specified and supplemented information obtained in the course of further study of the staffing of the governorate will be given in the article.

¹⁰ See O.A. Plekh, “Staff composition of civil service institutions in the Olonets province during the first half of the 19th century” [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 42, no. 2 (2020): 58–69.

¹¹ For the first decade of the 19th century, Fonds 1349, RGIA, contain group records of service of Arkhangelsk Governorate for 1807, 1808 and 1809; of Olonets Governorate for 1803; for Vologda Governorate for 1800, 1801, 1803, 1804, 1806, 1807, 1808 and 1810 (see F. 1349, op. 4, 1800, d. 49; 1801, d. 47; 1803, d. 54, 63; 1804, d. 67; 1806, d. 37; 1807, d. 26, 31; 1808, d. 33, 43; 1809, d. 41; 1810, d. 47. RGIA).

persons who did not have class ranks is not reflected in them. However, there are exceptions. For instance, the materials on Arkhangelsk Governorate for 1807, 1826, and 1850 include data only on officials. As far as the records for 1844 are concerned, the group records also include clerks and judging by the composition of positions, there is every reason to believe that this was a relatively complete list of the governorate officials.

The present research is aimed at studying the officials of the institutions subordinate to the ministries of internal affairs, finance, justice and state property, i.e. those who belonged to the local ‘general government.’ The institutions and positions which had been removed from the jurisdiction of the governorate authorities and formed ‘special institutions’ (royal property, religious, postal, educational, and other departments) will not be considered.

Thus, the group service records of Arkhangelsk Governorate include only 1,384 individual records of service, of which 234 are for the year 1807; 223, for 1826; 495, for 1844; 432, for 1850. The information they contain was systematized in an electronic database, which made it possible to obtain statistical indicators necessary for the study.

Table 1 shows social background of Arkhangelsk Governorate officials.¹² As one can see, the proportion of the representatives of the nobility was small: at the beginning of the century it was 12.8%, and by the middle of the century it had reached 22.2%. Those persons mainly served in the governorate city: in 1807, 23 out of 30 people were nobles; in 1826, 19 out of 33; in 1844, 72 out of 112; in 1850, 74 out of 96. Comparison of the obtained indicators with the ones from neighboring governorates reveals interesting dynamics. Among Arkhangelsk Governorate officials, there were noticeably fewer nobles than among those in Olonets Governorate (24.8% in 1803; 37.3% in 1850),¹³ with a general trend for gradual increase in their proportion, which was not observed in Vologda Governorate (23.7% in 1806; 17.3% in 1850).¹⁴ In the instance of Olonets Governorate, a higher proportion of nobles can be explained by the significant number of newcomers (both those who took advantage of service benefits and those appointed by the government under the conditions of personnel shortage), As for Vologda Governorate, where some of the positions were filled according to the results of nobility elections, there is a trend, common to the governorates of Central Russia, which is the reduction in the

¹² In the group records of service for 1844 there is no information about the class estate origin of two officials.

¹³ Plekh, “Staff composition of civil service institutions,” 59.

¹⁴ Calculated according to F. 1349, op. 4, 1806, d. 37, ll. 1 ob.–176; Op. 5, d. 224, ll. 1 ob.–6; D. 346, ll. 1 ob.–14; D. 1806, ll. 1 ob.–24; D. 2117 a, ll. 1 ob.–304; D. 2117 b., ll. 1 ob.–24; D 7664, ll. 1 ob.–469; D. 7735, ll. 1 ob.–580; Dd. 7771, ll. 1 ob.–870. RGIA.

number of noble class representatives in governorate institutions.¹⁵ This comparison shows that the indicators of the Arkhangelsk officialdom reflect the peculiarities of the development of local bureaucratic apparatus. At the beginning of the 19th century, the nobles occupied mainly key leadership positions (in 1807 only 8 persons occupied clerical positions; in 1826, 9 persons), and these were persons who arrived in the governorate in compliance with the appointment by the government. By the middle of the century, the number of nobles employed in clerical work had increased significantly (in 1844, 60 persons; in 1850, 50 persons). For the most part, those were young people who were children of the officials who retired but settled in the governorate.

In the first half of the 19th century, the proportion of personal nobles' children, or subaltern officers' children increased (from 13.2 to 35.7%) in the composition of Arkhangelsk Governorate officials, and the proportion of clerks' children decreased (from 18.4 to 4.2%). These changes were a direct consequence of the evolution of the rules of civil promotion in rank:¹⁶ the right to receive a class rank on condition of years of service only led to the fact that the ranks of clerks became temporary; recruits, most of them young people, did not have children after the moment they had entered the service and after they received the rank of collegiate registrar. Similar dynamics of indicators can be observed in the governorates of Central Russia¹⁷ and in the neighboring ones. For example, among Olonets Governorate officials in the period from 1803 to 1850, the proportion of subaltern officers' children increased from 19.9% to 33.4%,¹⁸ and the proportion of clerks' children decreased from 14.7% to 2.5%; among Vologda Governorate officials, from 1806 to 1850, from 7.4% to 23.5% and from 20.6% to 8.4% respectively.¹⁹ Moreover, the Arkhangelsk and Olonets governorates, which suffered personnel shortages (primarily, a great shortage of clerks), these tendencies were more pronounced than in Vologda Governorate, which had a larger administrative apparatus where the proportion of clerks' children increased during the first quarter of the 19th century (it reached 30.2% in 1818) and only in 1826 it began to decline.²⁰

¹⁵ See Pintner, *The evolution of civil officialdom*, 198, 200.

¹⁶ *Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649* [Collection 1: till December 12, 1825], 45 vols. (hereinafter PSZ-1) (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830), vol. 23, no. 16930; Vol. 25, no. 19219.

¹⁷ See Pintner, *The evolution of civil officialdom*, 198, 200.

¹⁸ Plekh, "Staff composition of civil service institutions," 59.

¹⁹ Calculated according to F. 1349, op. 4, 1806, d. 37, ll. 1 ob.–176; op. 5, d. 224, ll. 1 ob.–6; D. 346, ll. 1 ob.–14; D. 1806, ll. 1 ob.–24; D. 2117 a, ll. 1 ob.–304; D. 2117 b, ll. 1 ob.–24; D. 7664, ll. 1 ob.–469; D. 7735, ll. 1 ob.–580; D. 7771, ll. 1 ob.–870. RGIA.

²⁰ Plekh, *Local government in Vologda Governorate*, 338.

Table 1

Social background of Arkhangelsk Governorate officials²¹

Year	Nobles		Subaltern officers' children		Clergy		Clerks' children		Other		Total	
	persons	%	persons	%	persons	%	persons	%	persons	%	persons	%
1807	30	12.8	31	13.2	73	31.2	43	18.4	57	24.4	234	100
1826	33	14.8	76	34.1	54	24.2	26	11.7	34	15.2	223	100
1844	112	22.7	175	35.5	88	17.9	34	6.9	84	17.0	493	100
1850	96	22.2	154	35.7	90	20.8	18	4.2	74	17.1	432	100

Note. The table contains 5 groups: (1) hereditary nobles; (2) children of personal nobles (subaltern officers' children); (3) clerks' children; (4) clergy (children of leading and parish clergy); (5) other social groups, representatives of which there were few in the civil service (those who came from the merchant class, petty bourgeoisie, peasantry, foreigners; children of non-commissioned officers and soldiers, children of lower-rank personnel of the civil, military, postal, mining, and religious departments; children from orphanages et al.).

Nobles and hereditary officials (children of subaltern officers and clerks) were considered by the supreme power as the main source of recruiting personnel. However, if these class groups among the population of the governorate were small and did not provide the required number of recruits, 'excessive' children of higher and parish clergy were accepted for clerical service. In 1807, the total proportion of nobles and hereditary officials did not reach even a half (44.4%) and almost a third of Arkhangelsk Governorate officials came from the clergy. By the middle of the century, when the first indicator had risen to 62.1%, the proportion of higher and parish clergy children had markedly decreased (20.8%). The materials on the neighboring governorates reflect slightly different trends. There were twice less clergymen by birth among Olonets Governorate officials (15.0% in 1803; 9.6% in 1850²²). For Vologda Governorate in the first half of the 19th century they were one of the most important sources of replenishing the numbers of officials (their

²¹ Compiled according to F. 1349, op. 4, 1807, d. 26, ll. 1 ob.–258; 1826, d. 113, ll. 1 ob.–294; 1844, d. 157, ll. 1 ob.–22; D. 470, ch. 1, ll. 1 ob.–276; Ch. 2, ll. 1 ob.–449; Ch. 3, ll. 1 ob.–308; D. 471, ll. 1 ob.–170; Op. 5, d. 145, ll. 8 ob.–418; D. 149, ll. 13 ob.–870, dob. 1 ob.–23; D. 150, ll. 10 ob.–536; D. 151, ll. 1 ob.–229; D. 1070, ll. 1 ob.–53; D. 5272, ll. 1 ob.–63. RGIA.

²² Plekh, "Staff composition of civil service institutions," 59.

proportion increased from 36.0% in 1806 to 47.0% in 1850²³), which was primarily due to the composition of the population (the ‘excessive’ children of higher and parish clergy who did not have the opportunity to receive regular positions in the department of religious affairs).

The column ‘Other’ of Table 1 unites representatives of different social groups, including persons from taxable estates, foreigners who had sworn allegiance, illegitimate foster children who did not have a certain class status, as well as children of marine artisans and naval admiralty servants typical for the governorate under study, et al.. In the officialdom composition, the proportion of this category looks rather significant (24.4% in 1807; 17.1% in 1850). A similar situation was observed in Olonets Governorate (25.6% in 1803; 17.2% in 1850²⁴), but a completely different picture can be seen in the composition of Vologda Governorate officials (12.3% in 1806; 4.4% in 1850²⁵).

The presented indicators were caused by personnel problems which Arkhangelsk Governorate was facing during the period under study. As it was noted above, the central government sought to maintain class restrictions when recruiting personnel and encouraged nobles and hereditary civil servants to enter civil service. People from other strata of the population were welcome only if they had a certain level of education. However, the internal resources of Arkhangelsk Governorate could not provide the desired staff composition. It was a ‘non-nobility’ governorate where no elections were held (all noble positions were filled by appointment from the government). The nobles who were here on duty (civilians and military men) did not seek to settle in the harsh northern region, and the number of those who stayed for residence after resignation was small. In addition, significant difficulties arose when filling clerical positions. This problem became acutely manifested even during the period of the Governorate reform of 1775, when the government was forced to grant access to civil service to the ‘excessive’ children of clergymen, seminarians, as well as to all free people who were not liable to pole tax (including merchants and emancipated persons).²⁶ In cases when these measures were not enough to fill the

²³ Calculated according to F. 1349, op. 4, 1806, d. 37, ll. 1 ob.–176; Op. 5, d. 224, ll. 1 ob.–6; D. 346, ll. 1 ob.–14; D. 1806, ll. 1 ob.–24; D. 2117 a, ll. 1 ob.–304; D. 2117 b, ll. 1 ob.–24; D. 7664, ll. 1 ob.–469; D. 7735, ll. 1 ob.–580; D. 7771, ll. 1 ob.–870. RGIA.

²⁴ Plekh, “Staff composition of civil service institutions,” 59.

²⁵ Calculated according to F. 1349, op. 4, 1806, d. 37, ll. 1 ob.–176; Op. 5, d. 224, ll. 1 ob.–6; D. 346, ll. 1 ob.–14; D. 1806, ll. 1 ob.–24; D. 2117 a, ll. 1 ob.–304; d. 2117 b, ll. 1 ob.–24; D. 7664, ll. 1 ob.–469; D. 7735, ll. 1 ob.–580; D. 7771, ll. 1 ob.–870. RGIA.

²⁶ See PSZ–1, vol. 20, no. 14831; vol. 22, no. 15978.

clerical positions of public offices, representatives of taxable classes were admitted as an exception.²⁷

In Arkhangelsk Governorate, the problem of limited internal human resources was aggravated by the severity of climate and high cost of living, which did not attract officials from other regions. In January 1805, Ivan Ferster, military governor of Arkhangelsk, wrote in the file addressed to the Minister of the Interior:

because there are no noble estates in the governorate, and due to lack of nobles, almost all the officials who serve here were sent from different places of the All-Russian Empire; having no property, they live only by the salary which they receive from the treasury and which . . . can hardly be enough for vital supplies only; for clothing and other similar necessary expenses they run into debt, especially those who are burdened with families; therefore, in the reasoning of their children, they do not have the means to educate and teach them in the way appropriate for the nobility and through this prepare them as it should be for the benefit of the service.²⁸

Salaries, which had not changed since the Governorate reform of 1775, were disproportionate to prices which tripled during the period under consideration. While in Olonets Governorate which was in a similar situation, the salaries of the official were increased (by the decree of February 23, 1804),²⁹ the request of the governor of Arkhangelsk was not granted by the government.³⁰ Moreover, no decisive measures were taken to improve the staffing in the governorate in the following decades.

Key positions in the local apparatus as well as the vacancies of doctors, architects, and land surveyors were filled by the officials who were sent by order of the government from central institutions and from other governorates. In 1814, the Alexander's Committee on the Wounded was established (Committee on August 18, 1814),³¹ which made appointments for a number of positions beginning with 1816. In

²⁷ For more, see Pissar'kova, *State administration of Russia in the first third of the 19th century*, 103–05, 139–49.

²⁸ “Delo po predstavleniyu gubernatorov Pskovskogo, Arkhangel'skogo, Tverskogo ob uvelichenii shtatov gubernskikh” [The file submitted by the governors of Pskov, Arkhangelsk, and Tver governorates on increasing the governorate staff]. F. 1286, op. 1, 1805, d. 99, ll. 25 ob.–26. RGIA.

²⁹ *Ibid.*, ll. 28–28 ob.

³⁰ “Delo po predstavleniyu Arkhangel'skogo voennogo gubernatora o pribavke zhalovan'ya chinovnikam, sluzhashchim v tamoshnei gubernii” [The file submitted by the military governor of Arkhangelsk on increasing the salaries of the officials of the governorate]. F. 1286, op. 1, 1806, d. 38, ll. 5–5 ob. RGIA.

³¹ PSZ–1, vol. 32, no. 25642.

Arkhangelsk Governorate, these positions included assessors of the criminal and civil chambers, judges and assessors of the forum of conscience, chiefs of police, mayors, district police officers, judges and assessors of district courts.³² But practice showed that ‘crippled officers’ were not always capable of civil service, especially in judicial institutions, and from the beginning of the 1830s they were appointed mainly to the positions of chiefs of police, mayors, and district police officers.³³ In terms of their class background, among the persons appointed by the Committee there were both hereditary nobles and representatives of different social groups (children of soldiers, peasants, petty bourgeois) who managed to go from rank and file soldiers to officers in military service. In addition, there was a practice of appointing military men who retired due to the length of service to certain positions (quarter overseers, prison wardens, caretakers of spare grain shops, and also salt, wine, and grain bailiffs).

At the same time, the supreme was still concerned about the preservation of the class principle of staffing the state apparatus. In particular, in 1808, the ban was confirmed to take on persons from merchant, bourgeois and other taxable estates to the office clerks without the approval of the Senate; in 1813, the admission of those dismissed from the clergy was limited only to the persons who had completed a full course of seminary,³⁴ and from 1827 an exhaustive list of those who were allowed to be taken into service was legislatively validated: nobles, children of personal nobles, merchants of the first guild, priests, deacons, pastors, clerks, scientists and artists who did not class rank.³⁵ In relation to Arkhangelsk Governorate, these restrictions only exacerbated the problem of clerical personnel.

During the audit of 1831, senators A. Kornilov and V. Mertens pointed out “slowness of official procedure,” which was largely due to “the acute shortage of officials, not only of clerical personnel, but also of public officials.”³⁶ It turned out that

in addition to the insufficient number of officials and clerks filling the positions of the staff list, which equals to 140 persons, there is a lack of experienced and capable

³² PSZ–1, vol. 33, no. 26255.

³³ *Complete collection of laws of the Russian Empire* [Collection 2: from December 12, 1825 till February 28, 1881], 55 vols. (hereinafter – PSZ–2) (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1832), vol. 6, sec. 1, no. 16930, 724.

³⁴ PSZ–1, vol. 30, no. 23381; vol. 32, no. 25506.

³⁵ PSZ –2, 1830, vol. 2, no. 1469, 895.

³⁶ “Delo po otnosheniyu Arkhangel'skogo voennogo gubernatora o nedostatke kantselyarskikh sluzhitelei po etoi gubernii, tut zhe pereziska o preimushchestvakh sluzhby voobshche po guberniyam” [The file in relation of Arkhangelsk military governor on the shortage of clerical staff in the governorate; also here is correspondence about the advantages of service in general by governorates]. F. 1286, op. 5, 1832, d. 175, l. 1. RGIA.

officials and clerks to fill many positions in the governorate because of the insufficient salary,³⁷

and especially in uyezds institutions. Those who “were capable and had got experience” of conducting official procedure transferred to the financial, royal property or customs departments, where “salaries were better,” and in order to receive the 8th class rank, many of them left for the neighboring Olonets Governorate, Siberia, the Caucasus, and Georgia. Even in the governorate administration, almost half of the clerks were under age and, according to the already established tradition, “left it for other most profitable positions as soon as they acquired education and experience,”³⁸ and then their places were taken by similar minors. Arkhangelsk military governor R. Gall did not see any other way of solving this problem than, firstly, to increase the salary in all public offices, and secondly, to extend the benefits “following the example of Olonets Governorate” which “is in the equal position in terms of climate and disadvantages of food supply.”³⁹ However, this petition, filed on April 29, 1832, and supported by very weighty arguments was not granted at once, and not in full.

The increase in official salaries occurred gradually in the 1830s in connection with the renewal of the staffing lists of all governorates, and service privileges for Arkhangelsk Governorate were introduced only in 1839,⁴⁰ but in 1842 they were revised and applied only to three uyezds (Kolsky, Kemsky and Mezensky).⁴¹ “As a special exception,” persons from “free urban classes and clergy” could be taken on to fill clerical positions on condition that “they provided evidence of the acquisition of knowledge necessary for the service” (gymnasium or seminary certificates),⁴² and for the persons who expressed a desire to come from others governorates, a number of benefits were provided. In the latter case, Arkhangelsk Governorate turned out to be

³⁷ “Delo po otnosheniyu Arkhangel'skogo voennogo gubernatora o nedostatke kantselyarskikh sluzhitelei po etoi gubernii, tut zhe pereziska o preimushchestvakh sluzhby voobshche po guberniyam” [The file in relation of Arkhangelsk military governor on the shortage of clerical staff in the governorate; also here is correspondence about the advantages of service in general by governorates]. F. 1286, op. 5, 1832, d. 175, l. 1 ob. RGIA.

³⁸ Ibid., l. 2.

³⁹ Ibid., l. 3.

⁴⁰ PSZ –2, 1830, vol. 14, sec. 1, no. 12281.

⁴¹ The decree of June 9, 1842 was aimed to introduce a single “Statute” “on the advantages of service in remote and sparsely populated regions of the empire. . . instead of the various provisions that had existed before.” See PSZ –2, 1843, vol. 17, sec. 1, no. 15731, 438.

⁴² Ibid., 438.

less attractive than, for example, Olonets Governorate.⁴³ According to the group records of service for 1844, service benefits attracted only 37 persons (or 7.5% of the total number of officials), of whom there were 14 hereditary nobles, 7 subaltern officers' children, 10 clergymen, 4 clerks' children, 5 from other social groups. In 1850, there were 22 such persons (or 5.1%): 8 hereditary nobles, 6 subaltern officers' children, 5 representatives of the clergy, 1 from clerks' children, and 2 from the category 'Other.' Arkhangelsk Governorate was also inferior to Olonets Governorate⁴⁴ in the number of wards of public charity institutions (in 1844 there were 6 such persons, and in 1850, 2). It refers to the persons who were trained at the institutions which were established at the Yaroslavl and Poltava public charity departments in order to train clerks. On completing the course, the latter were sent to different governorates to fill clerical vacancies (this practice was started in the 1830s).⁴⁵ In general, although the proportion of newcomers looks rather significant in the composition of the officials in Arkhangelsk Governorate (29.9%, in 1807, 17.9% in 1826, 36.6% in 1844, 32.4% in 1850), it does not exceed the indicators for the neighboring Olonets Governorate.⁴⁶

Tables 2 and 3 show the age structure of Arkhangelsk Governorate officials.⁴⁷ In order to avoid distortion of indicators and provide comparable data, Table 2 does not take into account clerks who did not have class ranks (they were included in the group records of service for 1844 and in the materials of the governorate construction and road commission for 1850). As already mentioned, for 1844 we have information on the complete array of officials, which made it possible to compare the age structure of officials and clerks (see Table 3).

It follows from Table 2 that in 1807 28.6% of officials were 21 to 30 years of age; 25.2% were from 31 to 40; 23.5%, from 41 to 50; in 1826, 40.7%, 24.0%, and 11.8% respectively; in 1844, 28.0%, 30.8%, 19.9%; in 1850, 27.6%, 31.9%, and 22.7%. These indicators fully correlate with the dynamics observed in other governorates. As a result of the Governorate Reform of 1775, a large number of new local institutions were established, which required filling numerous vacancies. By 1807, the recruits who entered the service had made up the core of the staff in public offices. The average age of the officials of Arkhangelsk Governorate reached 38 years. In the

⁴³ According to the group records of service for 1844, the proportion of officials who took advantage of the privileges in Olonets Governorate was 22.1%; in 1850 it was 31.2%. See Plekh, "Staff composition of civil service institutions," 61.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ PSZ -2, 1830, vol. 1, no. 64.

⁴⁶ In Olonets Governorate, the proportion of newcomers was 44.0% in 1803; 55.2% in 1826; 49.0% in 1844; 58.2% in 185. See Plekh, "Staff composition of civil service institutions," 59.

⁴⁷ In the group formulary list for 1826 there is no information about the age of two officials; for 1844, of three.

following decades, the officials were gradually becoming younger and younger, and at the beginning of the reign of Nicholas I, the average age of officials was 36 years old. The influx of young people marked a “alternation of generations,” with the vast majority of officials being under 40. In the subsequent two decades, the composition of institutions significantly ‘aged’ (in 1844, the average age reached 40 years), which, most likely, should be associated with the lack of effective government measures aimed at resolving the personnel issue although by the middle of the 19th century the influx of “fresh” forces was still pronounced (the average age was 39 years). By that time, the second wave of ‘alternation of generations’ had become visible in other governorates as well.

Similar trends can be derived from the analysis of materials on Vologda Governorate, where from 1806 to 1826 the average age of the officials decreased from 37 to 35; by 1844 it had increased to 37 years; in 1850, it was 36 years.⁴⁸ Different data on the average age were obtained for Olonets Governorate (38 in 1803; 42 in 1826; 39 in 1844; 35 in 1850⁴⁹), which can explained by the shortage of officials, a significant number of vacancies and the lack of those wishing to fill them in the first quarter of the 19th century as well as by the introduction of service benefits which ensured an influx of officials from other regions in the second quarter of the 19th century.

Table 2

Age structure of Arkhangelsk Governorate officials⁵⁰

Age category	1807		1826		1844		1850	
	persons	%	persons	%	persons	%	persons	%
under 21	15	6.4	11	5.0	0	0.0	1	0.2
21–30 years old	67	28.6	90	40.7	104	28.0	118	27.6
31–40 years old	59	25.2	53	24.0	114	30.8	136	31.9
41–50 years old	55	23.5	26	11.8	74	19.9	97	22.7
51–60 years old	29	12.4	25	11.3	55	14.8	58	13.6
over 60	9	3.9	16	7.2	24	6.5	17	4.0
Total	234	100.0	221	100.0	371	100.0	427	100.0

⁴⁸ Calculated according to F. 1349, op. 4, 1806, d. 37, ll. 1 ob.–176; 1826, d. 129, ll. 1 ob.–492; 1844, d. 473, ch. 1, ll. 1 ob.–256; ch. 2, ll. 1 ob.–332; ch. 3, ll. 1 ob.–559; D. 474, ch. 1, ll. 1 ob.–27; ch. 2, ll. 1 ob.–246; Op. 5, d. 224, ll. 1 ob.–6; D. 346, ll. 1 ob.–14; D. 1806, ll. 1 ob.–24; D. 2117 a, ll. 1 ob.–304; D. 2117 b, ll. 1 ob.–24; D. 7664, ll. 1 ob.–469; D. 7735, ll. 1 ob.–580; D. 7771, ll. 1 ob.–870. RGIA.

⁴⁹ Plekh, “Staff composition of civil service institutions,” 62.

⁵⁰ Compiled according to F. 1349, op. 4, 1807, d. 26, ll. 1 ob.–258; 1826, d. 113, ll. 1 ob.–294; 1844, d. 157, ll. 1 ob.–22; D. 470, ch. 1, ll. 1 ob.–276; ch. 2, ll. 1 ob.–449; ch. 3, ll. 1 ob.–308; D. 471, ll. 1 ob.–170; Op. 5, d. 145, ll. 8 ob.–418; D. 149, ll. 13 ob.–870, dob. 1 ob.–23; D. 150, ll. 10 ob.–536; D. 151, ll. 1 ob.–229; D. 1070, ll. 1 ob.–53; D. 5272, ll. 1 ob.–63. RGIA.

The data presented in Table 3 allow us to compare the age of the officials and clerks of Arkhangelsk Governorate in 1844. As is known, recruits who entered the service – most of them were young people – were given the rank of clerical servant. Changes in the system of promotion in rank which took place during the first half of the 19th century actually secured the right to obtain a first class rank due to the length of service; respectively, the transition of clerks to the category of officials was limited to a certain and a rather short period of time. Table 3 shows that in 1844, 96.7% of clerks were less than 30 years of age. In 1827 age restrictions on entering the service were introduced: it was forbidden to take on those under 14, and active service was calculated from the age of 16.⁵¹ In 1834, the timing of promotion in rank began to depend on the level of education,⁵² which encouraged young people to complete a full course of study and obtain certificates from secondary and higher educational institutions (and this, as a rule, could be done only by the age of 20). These legal provisions directly influenced the age structure of clerks: in Arkhangelsk Governorate in 1844, the youngest of them was 14 years old, and the majority was represented by the persons aged between 21 and 30.

Table 3

Age structure of Arkhangelsk Governorate officials and clerical servants in 1844⁵³

Age category	Officials and specialists		Clerks	
	persons	%	persons	%
under 16	0	0.0	1	0.8
16–20 years old	0	0.0	42	34.7
21–30 years old	104	28.0	74	61.2
over 30	267	72.0	4	3.3
Total	371	100.0	121	100.0

Group records of service records of service of the first half of the 19th century are not very informative for determining the level of education of the officials since the inclusion of this was not required. Only after the adoption of the decree of July 16, 1849 which introduced a new form of service record, it became necessary to include the information on where the official “received his education and whether he completed a full course of sciences at an institution.”⁵⁴ In the group record of service for 1807, the information on education was included only for 61 officials (or 26.1% of the total number), of which educational institutions were mentioned for 6 of them

⁵¹ PSZ–2, 1830, vol. 2, no. 1469: 896.

⁵² PSZ–2, 1835, vol. 9, sec. 1, no. 7224: 657.

⁵³ Compiled according to F. 1349, op. 4, 1844, d. 157, ll. 1 ob.– 22; D. 470, ch. 1, ll. 1 ob.–276; ch. 2, ll. 1 ob.–449; ch. 3, ll. 1 ob.–308; D. 471, ll. 1 ob.–170. RGIA.

⁵⁴ PSZ–2, 1850, vol. 24, sec. 2, no. 23401. Staff lists and time sheets, 160.

(Academy of Arts, 1; Mining School, 1; Naval Cadet Corps, 2; cadet corps (Artillery and Engineering), 2); one record had a note that the person was taught “to read and write Russian and German dialects,”⁵⁵ and 54 other records have an indication of attending the seminary due to the column ‘Rank of Origin’ (‘seminarian’ or ‘student’⁵⁶). In 1826, information about educational institutions is reflected in the service records of 33 officials (or 14.7%); for 16 of them it is indicated in the column ‘Service Done’ (Mining School, 1; Moscow University, 1; cadet corps, 4; gymnasiums, 4; seminaries, 3; uyezd and parish theological schools, 3); and for 17 persons, in the column ‘Rank of Origin’ (pupil of the Academy of Arts, 1; Candidate of theology, 1; seminarians, 13; public charity institutions wards, 2). As it can be seen, the information about education is rather scant. Basically, there are records of higher and secondary educational institutions, which, unfortunately, make it impossible to establish whether an official was able to complete a full course of study or not.

After the publication of the decree of June 25, 1834⁵⁷ which linked the speed of promotion in rank with the possession of certificates of educational institutions, more attention was paid to the records of education in service records. However, this mainly concerned higher and secondary education. Primary and incomplete secondary education did not give advantage in promotion in rank, which is why it was still rarely mentioned. In 1844, 22.6% of all Arkhangelsk Governorate officials gave information about their education. Of them, 20 persons attended higher educational institutions: 17 obtained civilian professions, including 14 medics; 2 studied at theological academies; 1, at the Naval Cadet Corps. Secondary education, including incomplete education, is mentioned in the records of 60 officials. Of them, 19 studied at the institutions of the Ministry of National Education; 26, at seminaries; 11, at cadet corps; 4, at secondary vocational schools (St Petersburg Commercial School, School of Civil Engineers, School of State Surveyors at Volhynia Lyceum).

⁵⁵ “Formulyarnye spiski chinovnikov Arkhangel'skoi gubernii” [Records of service of the officials of Arkhangelsk Governorate]. F. 1349, op. 4, 1807, d. 26, ll. 86 ob.–87. RGIA.

⁵⁶ In the first quarter of the 19th century, instead of class origin, the column ‘Rank of origin’ often indicated which fostering or educational institution the official graduated from (‘from seminarians,’ ‘from students,’ ‘from wards,’ ‘from wards of the Moscow Imperial Orphanage,’ etc.). In the calculations, persons who were recorded as seminarians and students were assigned to the clergy since the seminary was a secondary educational institution for the representatives of this class (the persons who did not complete the full course of study were recorded as seminarians and those who completed it, as students). The record ‘from students’ could not refer to a person with incomplete or complete higher education (in the first case the record ‘university student’ was made, and those who managed to complete a full university course were granted an opportunity to obtain academic degrees ‘candidate,’ ‘master,’ ‘doctor,’ and since 1819, ‘active student’ as well).

⁵⁷ “The highest approved Regulation on the procedure for the production of ranks in the civil service,” PSZ–2, 1835, vol. 9, sec. 1, no. 7224, 657.

Attendance of lower educational institutions was reflected in the service records of 32 persons, and this mark was made mainly in the records of those who were trained for clerical work “at the expense of the state.” In particular, 17 officials were graduates of the Arkhangelsk school for children of clerical servants.⁵⁸ This educational institution, opened on August 22, 1833 and designed for 25 students,⁵⁹ was intended for training children of poor clerks “for service in the public offices of the civilian department.”⁶⁰ It was subordinate to the Ministry of Internal Affairs and was in direct subordination of the Arkhangelsk public charity department, at the expense of which it was maintained. Graduates who were appointed by the government had to serve in the civilian department for at least 8 years (they entered the vacancies of scribes of the lower rank), and those who showed ‘successes in sciences’ were given an opportunity to continue their studies at gymnasiums at the expense of the state, from which they entered the vacancies of scribes of the highest rank (they had to serve for at least 6 years).⁶¹ It should be noted also that the school was not allowed to accept children of the officials with ranks (even if they held clerical positions).⁶² And in this regard, class origin of the graduates of the Arkhangelsk school attracts attention: out of 17 persons included in the group records of service for 1844, 15 were children of hereditary and personal nobles and only two were children of clerks. Another type of lower educational institutions, which, as a rule, was mentioned in the service records, includes the departments for training scribes which were established under Yaroslavl and Poltava public charity departments. It has already been mentioned that in 1844 there were 6 graduates of these departments among the Arkhangelsk officials. Like the students of the schools for the children of clerical servants, they were obliged to enter the service in the civil department (persons who graduated with the rank of junior scribes served at least 10 years; senior scribes, 8 years).⁶³

If we follow the tradition, which is already established in the scientific literature,⁶⁴ and assume that all persons who did not provide information about their

⁵⁸ Established in accordance with the decree of February 16, 1828. See PSZ–2, 1830, vol. 3, no. 1814.

⁵⁹ From 1833 till 1844, there were only three graduations at the school (in 1837, 1839, 1843); the total number of graduates was 21 persons. See F.F. Shperk, *Brief outline of public education in the city of Arkhangelsk* [in Russian] (Arkhangelsk: Arkhangel'skaya gubernskaya tipografiya, 1905), 32.

⁶⁰ Shperk, *Brief outline of public education in the city of Arkhangelsk*, 31.

⁶¹ PSZ–2, 1830, vol. 3, no. 1814, 168.

⁶² *Ibid.*, no. 2416.

⁶³ *Ibid.*, no. 64.

⁶⁴ Back in the 1970s, P.A. Zaionchkovskii suggested that all officials who did not indicate their level of education in their records of service should be included into to the category of those who

education received home education, it turns out that among the officials of Arkhangelsk Governorate in 1844, the proportion of persons with higher education was 4.0%; with secondary education, 12.1%; with lower education, 6.5%. This generalization is very arbitrary, which is clearly shown in Table 4. Just in 6 years, the proportion of the officials with home education decreased almost 3 times (from 77.4 to 27.3%). Of course, such dynamics of indicators reflects not the growth of educational level but the results of the introduction of the new form of service record in accordance with the decree of July 16, 1849⁶⁵ because when compiling group records of service for 1850, all officials were required to provide information about educational institutions they had attended. Because of this it was possible to provide the most complete data in Table 4.⁶⁶ In the middle of the 19th century, 23 officials of Arkhangelsk Governorate received higher education, of whom 16 graduated from universities and medical surgical academies; 4, from theological academies; 1 from the Naval Cadet Corps; 1, from the Institute of the Corps of Railways; 1, Pedagogical Institute. Completed secondary education was recorded for 59 persons (gymnasiums, 25; seminaries, 21; cadet corps and military schools, 8; secondary vocational schools, 5); incomplete secondary education, for 91 persons (59, 29, 2 and 1 respectively). The service records of 138 officials mention lower educational institutions including the school for the children of clerical servants (24 persons).

Table 4

The level of education of Arkhangelsk Governorate officials in 1850⁶⁷

Level of education	persons	%
Higher education (completed, incomplete)	23	5.4
Secondary completed education	59	13.8
Secondary incomplete education	91	21.3
Lower education (completed, incomplete)	138	32.2
Home education	117	27.3
Total	428	100.0

The local officials best trained for their professional activities were specialists: doctors, architects, and land surveyors. In the middle of the 19th century, the

received home education (see Zaionchkovskii, *Government apparatus of autocratic Russia in the 19th century*, 12). Subsequently, this approach became generally accepted in historical research.

⁶⁵ PSZ–2, 1850, vol. 24, sec. 2, no. 23401. Staff lists and time sheets, 160.

⁶⁶ The group records of service for 1850 contain no information about the education of four officials.

⁶⁷ Compiled according to F. 1349, op. 5, d. 145, ll. 8 ob.–418; D. 149, ll. 13 ob.–870, dob. 1 ob.–23; D. 150, ll. 10 ob.–536; D. 151, ll. 1 ob.–229; D. 1070, ll. 1 ob.–53; D. 5272, ll. 1 ob.–63. RGIA.

government rarely appointed persons without appropriate certificates at these positions, which required qualified staff. But exceptions were allowed for remote governorates. In Arkhangelsk Governorate, out of 23 specialists included in the group records of service, 16 had higher education (15 doctors and 1 architect); 5, secondary education (3 architects and 2 land surveyors); 1, incomplete secondary education (land surveyor); 1, lower education (architect).

As for the rest of the officials, including those who made up the provincial administration, apparently, the level of education here was not the main criterion for determining a position to be held. In the same way as in the preceding decades, previous service experience and personal connections played a primary role in the selection of candidates for leadership positions. For instance, the Arkhangelsk governor V. Friebes was ‘brought up’ in a boarding school at St Petersburg Gymnasium, and then ‘in his free hours’ he attended lectures at the Pedagogical Institute;⁶⁸ the manager of the state property chamber F.I. Antonov was a graduate of the Second Cadet Corps;⁶⁹ the manager of the office of the state commercial bank P. Fan-der-Flit, Pavlovsky Cadet Corps;⁷⁰ the chairman of the treasury V. Mironov graduated from the public school;⁷¹ vice-governor G. Nikiforov, the chairman of the chamber of criminal and civil court P. Maltsov, the chairman of the commercial court S. Karataev and the governorate prosecutor P. Pilipenko received home education.⁷²

⁶⁸ “Formulyarnye spiski arkhangel'skogo grazhdanskogo gubernatora i drugikh chinovnikov Arkhangel'skoi gubernii po vedomstvu Ministerstva vnutrennikh del” [Records of service of the Arkhangelsk civil governor and other officials of Arkhangelsk Governorate under the Ministry of Internal Affairs]. F. 1349, op. 5, d. 149, ll. 13 ob.–14. RGIA.

⁶⁹ “Formulyarnye spiski upravlyayushchego Arkhangel'skoi palatoi gosudarstvennykh imushchestv i drugikh chinovnikov Arkhangel'skoi gubernii po vedomstvu Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv” [Records of service of the manager of the Arkhangelsk chamber of state property and other officials of Arkhangelsk Governorate under the department of the Ministry of State Property]. F. 1349, op. 5, d. 151, ll. 1 ob.–2. RGIA.

⁷⁰ “Formulyarnye spiski chinovnikov Arkhangel'skoi kontory gosudarstvennogo kommercheskogo banka” [Records of service of the officials of the Arkhangelsk office of the state commercial bank]. F. 1349, op. 5, d. 5272, ll. 1 ob.–2. RGIA.

⁷¹ “Formulyarnye spiski predsedatelya Arkhangel'skoi kazennoi palaty i drugikh chinovnikov Arkhangel'skoi gubernii po vedomstvu Ministerstva finansov” [records of service of the chairman of the Arkhangelsk treasury chamber and other officials of Arkhangelsk Governorate under the Ministry of Finance]. F. 1349, op. 5, d. 150, ll. 10 ob.–11. RGIA.

⁷² “Formulyarnye spiski predsedatelya Arkhangel'skogo kommercheskogo suda i drugikh chinovnikov Arkhangel'skoi gubernii po vedomstvu Ministerstva yustitsii” [Records of service of the chairman of the Arkhangelsk commercial court and other officials of Arkhangelsk Governorate under the Ministry of Justice]. F. 1349, op. 5, d. 145, ll. 8 ob.–9, 18 ob.–19, 26 ob.–27. RGIA; “Formulyarnye spiski arkhangel'skogo grazhdanskogo gubernatora i drugikh chinovnikov Arkhangel'skoi gubernii po vedomstvu Ministerstva vnutrennikh del” [Records of service of the

In general, if we do not take into account specialists, the level of education of officials in the governorate institutions was higher than in the uyezd and city ones. One official of five had a certificate of higher or secondary educational institution; the proportion of persons with incomplete secondary education was 22.7%; with lower education, 35.5%; with home education, 20.7%. At the same time, members of the institutional public offices were more educated: here the proportion of persons with higher and secondary education reached 40% while in the clerical offices it was only 15%. Among the officials of uyezd and city bodies of authority, there were no persons who had attended higher educational institutions; the proportion of those who had secondary education was only 8.9%; incomplete secondary education, 21.8%; lower education, 32.2%; home education, 37.1%. However, even here the level of educational of the officials was somewhat higher than that of the clerks.

Attention should also be paid to the class origin. Despite the fact that the supreme power encouraged the admission of nobles' and officials' children to educational institutions, in 1850 only one in four nobles in service had a gymnasium or university certificate (5.4%, higher education; 21.3%, secondary education; 28.7%, incomplete secondary education; 19.1%, lower education), and among the subaltern officers' children, very few (1.9%, 5.9%, 15.7%, and 41.2% respectively). It can be assumed that individual families managed to provide "decent upbringing" for their children at home, but that was hardly possible among the local officials who complained about poverty, low salaries and high cost of living. It is no coincidence that out of 24 graduates of the school for the clerks' children in 1850, three were children of hereditary nobles, and 21, of personal nobles. Apparently, such a composition did not comply with the rules for accepting students but was allowed taking into account the governorate officials' financial difficulties. It is not quite clear why the clerks' children did not use the opportunity to study at the expense of the state at the school established for them, especially taking into account the fact that the level of education was rather low among this category of officials (there were no persons who attended higher educational institutions; 16.7% received secondary education; 5.5%, incomplete secondary education; 38.9%, , lower education, 38.9%, home education). High indicators in the level of education were shown by those who came from clergy, for whom literacy was compulsory: the proportion of persons with higher education was 6.7%; secondary education, 22.5%; incomplete secondary education, 32.6%; lower education, 31.5%; home education – 6.7%. The data on the representatives of other social groups in the composition of officialdom looks interesting (12.2%, 9.5%, 13.5%, 29.7%, and 35.1% respectively). Among them three categories stand out: firstly, persons who entered the service thanks to the receipt of certificates of higher

Arkhangelsk civil governor and other officials of Arkhangelsk Governorate under the Ministry of Internal Affairs]. D. 149, ll. 31 ob.–32. RGIA.

and secondary educational institutions; and secondly, those who served in the military and retired “because of wounds” or for length of service and did not attend educational institutions at all or were brought up in military orphanages; and finally, those who were recruited due to the shortage of clerks and the lack of volunteers to fill these vacancies.

Thus, in the middle of the 19th century, the overwhelming majority of Arkhangelsk Governorate officials limited their education to the program of uyezds schools, or to a few classes of a gymnasium / seminary, or even to the knowledge acquired at home. Such indicators can be associated both with high tuition fees, which low-income families of local officials could not afford, and with poor academic performance and low motivation (expulsion from educational institutions was often accompanied by an indication of the lack of desire or ability to “continue studying further sciences”). Similar trends can be seen in the materials of neighboring governorates. For example, in Olonets Governorate in 1850, the proportion of officials who had higher education was 10.8%; secondary education, 10.6%; incomplete secondary education, 23.3%; lower education, 29.2%; home education, 26.1%; in Vologda Governorate, 5.7%, 19.5%, 26.4%, 39.9%, and 8.5% respectively.⁷³

Conclusion

The priority of the state personnel policy was to form such a local bureaucratic apparatus in which the leadership positions were taken by the nobles and the main ‘working’ mass consisted of hereditary civil servants, i.e., subaltern officers’ and clerks’ children. In this respect, the composition of Arkhangelsk Governorate officials could not fully meet the government’s expectations. The internal resources of this non-nobility territory appeared to be limited, and the conditions of service did not attract officials from other governorates. Officials, most of them nobles, were sent to the key positions in the local apparatus (governor, vice-governor, chairmen of governorate chambers, governorate prosecutor) by order of the central government. With the development of vocational education, the shortage of specialists was gradually overcome, and by the middle of the 19th century it had already become possible to fill the vacancies of doctors and land surveyors even in the remote northern uyezds. In 1816, vacancies in police institutions began to be filled by retired military men who came from different social classes, including taxable estates. In 1839, the supreme power was forced to extend service privileges to Arkhangelsk Governorate, but in 1842 they revised and limited to only three uyezds. The above

⁷³ Calculated according to F. 1349, op. 5, d. 224, ll. 1 ob.–6; D. 346, ll. 1 ob.–14; D. 1806, ll. 1 ob.–24; D. 2117 a, ll. 1 ob.–304; D. 2117 b, ll. 1 ob.–24; D. 766, ll. 1 ob.–469; D. 7735, ll. 1 ob.–580; D. 7771, ll. 1 ob.–870. RGIA.

measures had a certain effect, of course, but turned out to be insufficient to solve all personnel problems, especially the shortage of clerks which was quite pronounced throughout the entire period under study but not as much as in the neighboring Olonets Governorate.

All this directly affected the composition of Arkhangelsk Governorate officialdom. With regard to the social class background, the indicators significantly differed both from the all-Russian data and from the other northern territories. The proportion of nobles and hereditary civil servants, which at the beginning of the century was 44%, gradually increased and by the middle of the century it had reached 62%; the proportion of the children of priests and clergy decreased from 31% to 18–20%, while a significant proportion of other social groups remained the same (24% in 1807 and 17% in 1850). On the one hand, the replenishment of local institutions from the outside contributed to the growth of the classes preferred for the supreme power, but on the other hand, the lack of clerical servants forced the government to open access to the civil service for other categories of the population including people from taxable estates. The indicators for the age structure generally coincide with the nationwide trends: in the first quarter of the 19th century personnel became younger (in 1807 the average age was 38 years; in 1826, 36), and in the next two decades, older (in 1844 the average age was 40), which had been stopped only by 1850 (the average age of 39 years). Consequently, like other governorates, Arkhangelsk Governorate experienced two “alternations of generations” of the officialdom, with the only difference that the “aging” in the 1830s was expressed more clearly, which was due to the conditions of service during that period, which did not attract younger personnel. The data on education testifies to the general low level of professional training, which fully corresponded to the all-Russian indicators. The interest of persons who planned to enter the civil service in attending educational institutions began to reveal itself only after the adoption of the decree of June 25, 1834 which linked promotion in rank with education. Materials on Arkhangelsk Governorate show that in the first quarter of the 19th century very few persons held certificates of secondary and higher educational institutions. By the middle of the century, the number of such persons had reached 19%, but the proportion of officials who received home education or attended lower educational institutions was still very high (almost 60%). Specialists were the best trained for their professional activities part of the local officialdom. As for lower clerical positions, in order to fill them, it was enough to be able to read and write and to know the four rules of arithmetic.

Список литературы

Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. – Москва: Новый хронограф, 2012. – 480 с.

- Вакилев Т.Р.* Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Пензенский государственный университет, 2017. – 320 л.
- Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). – Москва: Мысль, 1981. – 252 с.
- Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. – Москва: Мысль, 1978. – 288 с.
- Иванов В.А.* Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки. – Калуга: КГПИ, 1994. – 229 с.
- Иванов В.А.* Социальный облик местного чиновничества России в середине XIX в. // Федерализм. – 2009. – № 1 (53). – С. 79–92.
- Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 255 с.
- Мельникова И.Г.* Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2010. – 272 л.
- Мерзлякова Л.В.* Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): дис. ... канд. ист. наук. – Удмуртский государственный университет, 1997. – 228 л.
- Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – Москва: Наука, 1989. – 240 с.
- Морякова О.В.* Система местного управления России при Николае I. – Москва: МГУ, 1998. – 272 с.
- Павлюк Ю.Б.* Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Государственный университет управления, 2001. – 240 л.
- Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. – Москва: Новый хронограф, 2019. – 416 с.
- Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 742 с.
- Плех О.А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Институт российской истории РАН, 2016. – 400 л.
- Плех О.А.* Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42. – № 2. – С. 58–69.
- Поскачей Т.А.* Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2006. – 261 л.
- Токмакова Ю.Н.* Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Юго-Западный государственный университет, 2011. – 190 л.
- Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. – Москва: Наука, 1974. – 394 с.
- Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / перевод с английского М.Д. Долбилова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – 520 с.
- Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2001. – 477 с.

Шперк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в городе Архангельске. – Архангельск: Архангельская губернская типография, 1905. – 95, V с.

Lincoln W.B. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861*. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. – XIX, 297 p.

Lincoln W.B. The Genesis of an 'Enlightened' Bureaucracy in Russia, 1825–1856 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1972. – Bd. 20. – H. 3. – S. 321–330.

Pintner W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // *Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century* / edited by Walter M. Pintner and Don K. Rowney. – Chapel Hill, N.C.: The University of North Carolina Press, 1980. – P. 190–226.

Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review*. – 1970. – Vol. 29. – No. 3. – P. 429–443.

Raeff M. The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // *The American Historical Review*. – 1979. – Vol. 84. – No. 2. – P. 399–411.

Torke H.-J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. – 1967. – Bd. 13. – S. 7–345.

Velychenko S. The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2001. – Bd. 49. – H. 3. – S. 346–362.

Yaney G.L. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. – Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1973. – XVI, 430 p.

References

Biktasheva, A.N. *Antropologiya vlasti: kazanskie gubernatory pervoi poloviny XIX veka* [Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the 19th century]. Moscow: Novyi khronograf, 2012. (In Russian)

Eroshkin, N.P. *Krepostnicheskoe samodержavie i ego politicheskie instituty (Pervaya polovina XIX v.)* [Serfdom autocracy and its political institutions (The first half of the 19th century)]. Moscow: Mysl', 1981. (In Russian)

Ivanov, V.A. "Sotsial'nyi oblik mestnogo chinovnichestva Rossii v seredine XIX v." [Social appearance of local officials in Russia in the middle of the 19th century]. *Federalizm*, vol. 53, no. 1 (2009): 79–92. (In Russian)

Ivanov, V.A. *Gubernskoe chinovnichestvo 50–60 gg. XIX v. v Rossii (po materialam Moskovskoi i Kaluzhskoi gubernii). Istoriko-istochnikovedcheskie ocherki* [Provincial officialdom of the 1850–1860s in Russia (based on the materials of the Moscow and Kaluga governorates). Historical and source study essays]. Kaluga: KGPI, 1994. (In Russian)

Lincoln, W.B. "The Genesis of an 'enlightened' bureaucracy in Russia, 1825–1856." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 20, no. 3 (1972): 321–30.

Lincoln, W.B. *In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982.

Matkhanova, N.P. *Vyssshaya administratsiya Vostochnoi Sibiri v seredine XIX v.: Problemy sotsial'noi stratifikatsii* [Higher administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: problems of social stratification]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002. (In Russian)

Mel'nikova, I.G. *Chinovnichestvo Verkhnevolzhskikh gubernii v pervoi chetverti XIX veka* [Officialdom of the Upper Volga governorates in the first quarter of the 19th century]. PhD diss. Yaroslavl Demidov State University, 2010. (In Russian)

Merzlyakova, L.V. *Chinovnichestvo Vyatskoi gubernii pervoi poloviny XIX veka (opyt sotsial'no-politicheskoi kharakteristiki)* [Officialdom of Vyatka Governorate of the first half of the 19th century (an attempt of socio-political description)]. PhD diss. Udmurt State University, 1997. (In Russian)

Mironenko, S.V. *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v.* [Autocracy and reform. Political struggle in Russia in the early 19th century]. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)

Moryakova, O.V. *Sistema mestnogo upravleniya Rossii pri Nikolae I* [System of local government in Russia under Nicholas I]. Moscow: MGU, 1998. (In Russian)

Pavlyuk, Yu.B. *Rossiiskoe chinovnichestvo v sisteme mestnogo upravleniya v pervoi polovine XIX veka: na materialakh Moskovskoi i Tverskoi gubernii* [Russian officialdom in the system of local government in first half of the 19th century: based on materials of Moscow and Tver governorates]. PhD diss. State University of Management, 2001. (In Russian)

Pintner, W.M. "The Evolution of civil officialdom, 1755–1855." In *Russian Officialdom. The bureaucratization of Russian society from the 17th to the 20th century*, edited by Walter M. Pintner and Don K. Rowney, 190–226. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1980.

Pintner, W.M. "The social characteristics of the early nineteenth-century Russian bureaucracy." *Slavic Review*, vol. 29, no. 3 (1970): 429–43.

Pisar'kova, L.F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka: evolyutsiya byurokraticheskoi sistemy* [State administration of Russia from the end of the 17th to the end of the 18th centuries: evolution of the bureaucratic system]. Moscow: ROSSPEN, 2007. (In Russian)

Pisar'kova, L.F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi treti XIX v.: stanovlenie ministerskoi sistemy* [State administration of Russia in the first third of the 19th century: formation of the ministerial system]. Moscow: Novyi khronograf, 2019. (In Russian)

Plekh, O.A. "Sostav chinovnichestva Olonetskoï gubernii v pervoi polovine XIX veka" [Staff composition of civil service institutions in the Olonets province during the first half of the 19th century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 42, no. 2 (2020): 58–69. (In Russian)

Plekh, O.A. *Mestnoe upravlenie v Vologodskoi gubernii v pervoi polovine XIX veka* [Local government in Vologda Governorate in the first half of the 19th century]. PhD diss. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2016. (In Russian)

Poskachei, T.A. *Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v poslednei chetverti XVIII – pervoi polovine XIX vv. (na materialakh Ryazanskoi gubernii)* [Provincial officialdom of Russia in the last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries (based on the materials of Ryazan Governorate)]. PhD diss. Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2006. (In Russian)

Raëff, M. "The bureaucratic phenomena of Imperial Russia, 1700–1905." *The American Historical Review*, vol. 84, no. 2 (1979): 399–411.

Shepelev, L.E. *Chinovnyi mir Rossii: XVIII – nachalo XX v.* [Official world of Russia: the 18th – early 20th centuries]. St Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2001. (In Russian)

Shperk, F.F. *Kratkii ocherk narodnogo obrazovaniya v gorode Arkhangel'ske* [Brief outline of public education in the city of Arkhangel'sk]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaya gubernskaya tipografiya, 1905. (In Russian)

Tokmakova, Yu.N. *Provintsial'noe chinovnichestvo Tsentral'noi Rossii v 1801–1861 gg. (na materialakh Kurskoi gubernii)* [Provincial officialdom of Central Russia in 1801–1861 (based on the materials of Kursk Governorate)]. PhD diss. Southwest State University, 2011. (In Russian)

Torke, H.-J. “Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts.” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, vol. 13 (1967): 7–345.

Troitskii, S.M. *Russkii absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII veke. Formirovanie byurokratii* [Russian absolutism and the nobility in the 18th century. The formation of bureaucracy]. Moscow: Nauka, 1974. (In Russian)

Uortman, R.S. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [The development of a Russian legal consciousness]. Translated from English by M.D. Dolbilov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. (In Russian)

Vakilev, T.R. *Provintsial'noe chinovnichestvo v sisteme gosudarstvennogo upravleniya vo vtoroi chetverti XIX veka (na materialakh Penzenskoi gubernii)* [Provincial officialdom in the system of state administration in the second quarter of the 19th century (based on the materials of Penza Governorate)]. PhD diss. Penza State University, 2017. (In Russian)

Velychenko, S. “The Size of the imperial Russian bureaucracy and army in comparative perspective.” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 49, no. 3 (2001): 346–62.

Yaney, G.L. *The Systematization of Russian government: social evolution in the domestic administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1973.

Zaionchkovskii, P.A. *Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX veke* [Government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow: Mysl', 1978. (In Russian)

Информация об авторах

Олеся Анатольевна Плек – кандидат исторических наук, научный сотрудник, <http://orcid.org/0000-0002-3750-6270>, plekh@mail.ru, Институт российской истории РАН (117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19)

Information about the authors

Olesya A. Plekh – Candidate of Historical Sciences, Researcher, <http://orcid.org/0000-0002-3750-6270>, plekh@mail.ru, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (d. 19, ul. Dm. Ul'yanova, Moscow, Russia 117292)

Статья поступила в редакцию 22.10.2020; одобрена после рецензирования 09.11.2020; принята к публикации 16.11.2020.

The article was submitted 22.10.2020; approved after reviewing 09.11.2020; accepted for publication 16.11.2020.